

Богата и разнообразна литературная жизнь в краях и областях нашей страны. Романы, сборники стихов, повести, созданные писателями в областях, получают всенародное признание, удостоиваются высокой награды — Сталинской премии, становятся достоянием нашей большой всеобщей литературы, обогащая и развивая ее.

Десятки новых книг выпускают областные издательства, альманахи публикуют значительное количество различных произведений, местные писательские организации живут напряженной творческой жизнью.

Однако обо всей этой работе нельзя получить представления, читая большинство областных газет.

Всех стране известны писатели, живущие в Ростове. Книжки И. Василенко, В. Фомкина, В. Заруккина, В. Изюмского издаются в Москве. Ростовское областное издательство выпускает новые книги, разнообразные по темам, жанрам и художественному мастерству. В 1950 году вышел сборник рассказов И. Василенко, вторая книга «Алых погов» В. Изюмского, повесть «Поморы» В. Заруккина, «Сказки» Е. Рябчиковой, сборник стихов для детей В. Жака «Доброе утро», сборник воспоминаний «Маяковский в Ростове» и другие. Ни одна из этих книг не получила оценки на страницах областной газеты «Молод». Газета вообще не занимается вопросами литературы. Из нескольких десятков книг, выпускаемых в области, случайно одна-две найдут освещение в газете. По наиболее важным, принципиальным вопросам газета предпочитает отмалчиваться, выжидая, пока скажут слово в Москве. Газета не оказывает помощи писательской организации, не вмешивается в литературную жизнь, не помогает росту, развитию литературы.

К сожалению, газета «Молод» — не исключение.

Газета «Уральский рабочий» не сочла нужным оценить первую книгу стихов М. Пилипенко «Рождение города», книгу Н. Поповой и К. Рождественской «Жители камня», сборник очерков «Свет в деревне» и другие книги областного издательства.

Так же относится к работе писателей и издательств и многие другие областные газеты — «Сталинские знамя» (Рязань), «Волжская коммуна» (Куйбышев), «Горьковская коммуна», «Сталинградская правда», «Челябинский рабочий». Равнодушным в вопросах литературы вест со страниц газет «Рабочий край» (Иваново). Иредка промелькнет случайная рецензия, и затем опять наступает длительное молчание. В тех редких случаях, когда газета выступает со статьями, — вместо объективного и объективного анализа художественных произведений отмечаются лишь промахи и неудачи.

Читая некоторые областные или краевые газеты, нельзя узнать даже фамилий местных писателей, нельзя составить представление об их творчестве, понять, как оценивает газета их произведения. А ведь газета должна вмешиваться в литературный процесс, направлять его, должна быть своеобразным центром литературной жизни.

«Республиканские» краевые и областные газеты, — указывалось в постановлении ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии», — должны регулярно печатать рекомендательные списки книг и статьи о наиболее важных литературе.

Закрытие декады эстонской литературы

1 июня в Большом зале Московской консерватории состоялся заключительный вечер декады эстонской литературы. На вечер, который открыл заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР К. Симонов, присутствовали московские писатели, ученые, деятели искусства, стажанты предприятий, студенты.

За десять дней, проведенных в Москве, участники декады широко ознакомили трудящихся столицы с творчеством лучших эстонских писателей. Гости выступали на литературных вечерах. Подводя итоги декады, секретарь ЦК КП(б) Эстонии тов. А. Кельберг отметил, что декада явилась крупнейшим событием в культурной жизни эстонского народа и стала ярким проявлением дружбы, царящей между народами нашей страны.

Тов. Кельберг отметил, что важным результатом декады является то обстоятельство, что эстонские писатели, поэты, артисты познакомились с замечательной московской аудиторией. Дружеская критика и самокритика окажут огромную помощь эстонским литераторам и переводчикам и будут содействовать их дальнейшему творческому росту. Он поблагодарил от имени участников декады и всех трудящихся Эстонской ССР москвичей за теплое, братское внимание и сердечный прием.

С чтением своих стихов выступили эстонские поэты Э. Хийр, Ф. Котта, Р. Парве, Д. Вааранди, Ю. Шмуул. В заключение участники декады — поэты, музыканты, исполнители народных танцев и ведущие мастера искусств Эстонской ССР дали большой концерт.

Вчера состоялось заседание президиума ЦК ВКП(б) Эстонии, посвященное итогам декады, на котором выступил секретарь ЦК КП(б) Эстонии тов. А. Кельберг. Русским писателям, принявшим активное участие в подготовке и проведении декады, были вручены почетные грамоты Верховного Совета Эстонской ССР.

Н. Тихонов посвятил свое выступление проблемам перевода эстонской поэзии на русский язык. А. Хинт говорил о недостаточной требовательности издательств в Эстонии к работе отдельных писателей. Председательствовавший на заседании А. Сууров выразил уверенность в том, что декада укрепит творческое сотрудничество эстонских и русских писателей.

ратурных произведениях, а также обеспечить рецензирование всей литературы местных издательств.

Отсутствие делового повседневного интереса к литературе особенно заметно в газете «Забайкальский рабочий» (Чита). В течение 1950 года из всех многообразных фактов литературной жизни газета сочла наиболее достойными внимания лишь «литературные пятницы», организуемые самой редакцией. В одном из номеров редакции отвела целую полосу присуждению Сталинской премии забайкальскому писателю К. Седых. Этот замысел можно было бы только приветствовать, но, к сожалению, выполнен он с ненужной шумихой, излишней парадностью, без должной скромности. Так, например, вряд ли следовало публиковать личные приветственные телеграммы, полученные писателем в связи с высокой наградой. В таком же одическом стиле, с таким же торжественным словословием отменила присуждение Сталинской премии К. Седых и «Восточно-сибирская правда» (Иркутск). При этом следует заметить, что это почти единственное выступление газеты о современной литературе в нынешнем году.

А ведь сравнительно недавно, в конце прошлого года, газеты «Забайкальский рабочий» и «Восточно-сибирская правда» отводили вопросам литературы значительно больше места. Они широко освещали писательские конференции, которые проводил здесь Союз советских писателей. Но кончилась совещания, и газеты вместо того, чтобы закрепить это освещение в литературной жизни, отпили на сторону и перестали обращать внимание на работу писательской организации.

Большую заинтересованность и активность проявляет газета «Советская Сибирь» (Новосибирск). За последнее время она выступала с острыми замечаниями, критикуя местные отделения Союза писателей, информировала читателей о планах журнала «Сибирские огни». В специальном статье «Что мешает творческому росту новосибирских писателей» были поставлены важные вопросы работы писательской организации. Статья эта сопровождалась редакционным примечанием, в котором ясно и отчетливо была выражена точка зрения газеты.

Стремление вмешаться в литературную жизнь, бороться за качество книг, выпускаемых на местах, чувствуется и в газетах «Советская Кубань», «Красное знамя» (Владивосток), опубликовавшей, например, обстоятельную статью, в которой отчет о работе XIII пленума правления Союза писателей сопровождается серьезным разбором произведений писателя Приморья.

Задача газеты заключается в том, чтобы воспитывать новых критиков, пригласить к участию в газете преподавателей литературы, аспирантов, студентов, читателей. К сожалению, многие областные газеты это делают очень редко, и даже тогда, когда имеется полная возможность выступить с квалифицированной статьей местного автора, в лучшем случае печатают материалы пресс-бюро. Местные писатели не привлекаются к сотрудничеству в газете, хотя газетная работа — большая школа для литератора.

Для того чтобы отвечать все возрастающим культурным запросам своего читателя, областные газеты обязаны принимать самое активное участие в повседневной борьбе за мастерство советского искусства.

Боевое вмешательство в литературный процесс, деловая помощь писательским организациям, своевременная оценка новых книг, информация о литературной жизни — вот чего жлет наша общественность от каждой областной или краевой газеты.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 45 (2636)

Суббота, 3 июня 1950 г.

Цена 40 коп.

ДЕКАДА ЭСТОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Ганс ЛЕБЕРХТ

Декада эстонской литературы и искусства закончилась. Для нас эти дни были днями живого обмена мнениями с московскими писателями и читателями, глубокой проверки своего труда. Эстонские писатели ехали в Москву с желанием прочитать в своей творческой работе перед широким читателем, получить от ведущих советских писателей и критиков справедливую, принципиальную, вежливую оценку, которая помогла бы нашему движению вперед.

В заводских дворцах культуры, в клубах научных учреждений эстонские писатели встретились со своим чутким и требовательным читателем. Их выступления привлекли обширную аудиторию, и это наглядно продемонстрировало любовь советского читателя к литературе, его глубокий интерес к литературным проблемам.

Внимание, проявленное к эстонской литературе общественностью столицы, личный раз заставило нас почувствовать огромную ответственность перед народом. Успехи эстонской советской литературы на сегодняшний день ее развития значительны, и декада подтвердила это. Последние годы ознаменовались решительным поворотом к современной теме. Стремление отшатнуться на старые актуальные темы и идти в ногу с жизнью своей страны характеризует творчество и О. Тооминга, в своих повестях «Шахта живет», «Тропинки выводит на большую» и в романе «Зеленое золото» разведывающего несласоватного героя к современной теме. Стремление отшатнуться на старые актуальные темы и идти в ногу с жизнью своей страны характеризует творчество и О. Тооминга, в своих повестях «Шахта живет», «Тропинки выводит на большую» и в романе «Зеленое золото» разведывающего несласоватного героя к современной теме.

Богатая событиями, стремительно развивающаяся жизнь воссоздана в правах очерковой жанр, позволяющий наиболее непосредственно и оперативно откликаться на запросы дня, жанр, прежде третированный буржуазной эстонской литературой.

Но эстонской литературе предьявлен справедливый упрек в известной ограниченности ее тематики. Важные участки жизни Эстонии остаются пока неосвоенными. Писатели не научились еще изображать ростки коммунистического будущего в нашем сегодняшнем дне. Слабо показана в произведениях эстонских писателей роль большевистской партии в жизни нашего народа.

Пример писателей других республик, создавших такие произведения, как «Далеко от Москвы» В. Ажева, «Сталь и шпак» В. Попова, «Апшерон» М. Гусейна, должен вдохновить эстонских писателей на создание произведений, посвященных жизни и борьбе рабочего класса. Индустральная жизнь Эстонии становится все более кипучей, эстонские стажанты жуют от нас книг о себе, о своих славных делах. Некоторые писатели, избрав определенную тему, ограничивают ею свое творчество. Это относится и к Э. Мяннику, до сих пор работающему в области военной, и только военной, теме. Его рассказы о войне, о мужестве советских воинов, о силе советского патриотизма привлекают внимание читателя. Но темы сегодняшнего

дня, темы бурного строительства в городе и деревне не получили отражения в рассказах Мянника. Только один его рассказ «Борьба продолжается» посвящен показу классовой борьбы в эстонской деревне.

Жизнь все настойчивее стучится в наши двери, и мы обязаны распахнуть их еще решительнее, еще шире! Перед нами неизбежно возникает проблема создания больших художественных полотен, всесторонне отображающих жизнь Эстонии. Наша литература еще отстает в своем развитии от требований сегодняшнего дня. Из значительных поэм и романов, созданных за последний период, можно назвать лишь поэмы Ю. Шмуула и М. Рауда и романы О. Тооминга.

Преодоление тематической и жанровой ограниченности — одна из важнейших задач эстонской литературы.

В произведениях эстонских писателей властно входят новые герои: рабочие, колхозники, интеллигенты. Сделаны первые попытки создать образ положительного героя — героя с цельным характером, сформировавшимся в наше время, героя, на которого могли бы равняться наши читатели, черпая в ярких образах своих современников вдохновение, уверенность в своей силе, желание отдать всю свою энергию великому делу построения коммунизма. В этом плане представляют интерес образы лесничего Реммелгаса («Зеленое золото» О. Тооминга), парторга Палу («Шахта живет» его же), лейтенанта Байнаса (рассказ Э. Мянника «Шестая атака»), комсомольца Саара (рассказ Р. Сирге «Винтика»).

По ярким, колоритным индивидуальным чертам характеры этих героев наделены далеко не в полной мере; не хватает художественного полнокровия. На осуждения было отмечено, например, что в сравнении с Реммелгасом характер Нуриса, старого лесника, выглядит более убедительным. Саар из рассказа «Винтика» нарисован без достаточной психологической глубины.

В пьесах А. Якобсона несколько схематичны образы людей, несущих колеблемые героям пьес советскую, большевистскую правду, людей, через которых драматург пытается утвердить свои идеи. Бельгийские штрихи наметены в «Эстонской поэме» Ю. Шмуула образ героя — парторга, большевистского вожака советских воинов.

В эстонской литературе не созданы еще образы, подобные образу Павла Корчагина или образам молодого героя; у нас еще нет своей «повести о настоящем человеке». И здесь неуместно оправдываться тем, что эстонская советская литература — литература молодая, не имеющая достаточного опыта. Эстонская литература формируется в обстановке отеческой заботы о ней партии и правительства, в обстановке дружеской помощи со стороны братских литератур других народов, и в этом залог ее ближайших успехов в решении стоящих перед ней задач.

Творческие обсуждения, сопутствовавшие декаде эстонской литературы, помогут эстонским писателям найти верный путь к созданию образа героя нашего времени.

Эстонские писатели провели серьезную борьбу с проявлениями национализма, формализма в эстонской литературе и критике; им удалось в значительной мере освободиться от пороков влияния декадентства. Жизнь диктует эстонским писателям новые жанровые формы; писатели, во имя убедительности образа нового героя, ищут наиболее выразительные художественные средства. Эстонская литература руководствуется в своем развитии методом социалистического реализма.

По-новому построены пьесы А. Якобсона, они по-настоящему конфликтны, и это решающие конфликты жизни, а не вымученные псевдоэмоциональные «ходы». Широкий поток хлынула жизнь в поэмы Ю. Шмуула и М. Рауда, развиты рамки поэм, насытив их острыми ситуациями, заставив поэтов припасть к животворному источнику народной поэзии. Поэмы Ю. Шмуула кажутся мне новаторскими в поэтическом смысле этого слова.

В основе романа О. Тооминга «Зеленое золото» лежит изображение типичных сторон действительности; писатель рисует жизнь в ее революционном развитии. В своих рассказах Р. Сирге, несмотря на ограниченность площади, на которой происходит действие, старается развернуть события, отражающие важнейшие процессы жизни Эстонии. Писатель умеет, с соблюдением жизненных пропорций, восстанавливать в рассказах социальные силы, помещая в малое много.

На декаде эстонской литературы эстонские писатели были представлены своими лучшими произведениями. В этих произведениях взято верное идейное направление. Но мы, повидимому, уделяли еще недостаточное внимание вопросам художественного мастерства. Декада во весь рост поставила перед эстонскими писателями эту важную проблему, без решения которой никакая победа в литературе не может быть полной.

Выводы напрашиваются сами. Новая тема? Новые герои? Отлично! Но и новая тема и новые герои нуждаются в убедительном, ярком художественном воплощении, и задача эстонских писателей, — продолжать бороться против чуждых идейных влияний, с корнем вырывая остатки гнилых литературных традиций, усилить борьбу за повышение художественного мастерства, за улучшение литературного качества своих произведений.

И в этом мы должны помочь литературной критике, которая, несомненно, учтет уроки заключительной декады.

В Москве — на творческих обсуждениях, при встречах с московскими литераторами — нас порадовало чувство коллективной близости, в атмосфере которого живут наши московские друзья; нас ободрило заботливое отношение читателей-москвичей к судьбам эстонской литературы. И эстонские писатели отвечают на это новыми произведениями, достойными того внимания, в центре которого мы, как пол лучших и мощных прожекторов, находимся в дни декады.

По приезде в Эстонию нами будет проведено широкое деловое обсуждение вопросов, возникших в связи с декадой эстонской литературы.

Впереди упорная, напряженная работа.

В защиту детей

«...В США, в Нью-Йорке (штат Коннектикут) 27 февраля 1950 года фирма, занимающаяся производством детской игрушки, объявила о выпуске игрушечной атомной бомбы». (Из газет).

В Нью-Йорке (Америка, Коннектикут) Висит объявление: «О чем бы? О том, что на фабрике выпускают Игрушечной атомной бомбы!»

Румяный ребенок с папашей своим Придет в магазин, и приказчик, Сияя улыбкой, откроет пред ним Наполненный бомбами ящик.

«Вам бомбочку нужно? Пожалуйста, сэр. Пожалуйста, один для проверки. Вот мелкий, вот средний, вот крупный размер. А это для них — бомбыльки!»

Выходит малыш из стеклянных дверей Еще веселый и румянее, Спешит он домой, чтоб начать поскорей Учебное бомбометание.

Всегда ли такою игрушкой бомбат Ишь только немного калечат, — Попа неизвестно, но души ребит Наверно она изувечит.

Вы скажете: дяденька, взявший патент На эту игрушку, — безумен... Но бомбой играет и сам президент, Смирный и набожный Трумэн.

В пятнадцатом веке Колумб — иль Колумб — Не думал, волнуясь раская, Что им открываешь фабрика бомб, Бессчетных смертей мастерская.

Убийцы, детей превращая в калек, Дают им игрушечный «атом». Но мирный, здоровый, простой человек Защитником будет ребятам.

Нанюно сильнее он всех королей — Железных, стальных или пушечных. Так пусть же он землю изобавит скорей От бомб настоящих, а малыш детей От бомб же зловердных — игрушечных!

СОДРУЖЕСТВО ТРУДА И НАУКИ В ПОЛЬШЕ

Древний польский город Вроцлав является сегодня своим новаторским духом. Здесь, в пеллах Вроцлавского государственного научно-исследовательского центра «Пафават», зародилось соревнование рационализаторов производства. Здесь, в стенах Вроцлавского политехнического института, среди представителей польской науки и студенчества началось движение за сотрудничество с передовиками промышленности.

Соревнование новаторов производства, начатое по инициативе рабочих завода «Пафават», распространилось во всей стране. Стремясь достигнуть высоких показателей в этом соревновании, рабочие все чаще обращаются к помощи науки. Все чаще в технической библиотеке и лабораториях Гданьского политехнического института можно встретить рабочих-рационализаторов предприятий города. Профессора этого института лишь в первой половине апреля проверили и помогли рационализаторам научно обосновать 60 их предложений.

Благотворное содружество ученых и передовых рабочих укрепляется и расширяется с каждым днем. Ученые города Валжиха взяли шефство над клубами рационализаторов шифро-и-слесарских электростанций; они систематически читают для рабочих научно-популярные лекции. Научные работники сельскохозяйственного факультета Ягеллонского университета в Кракове недавно встретились с передовиками деревни. На совещании было решено организовать при факультете систематические консультации для крестьян.

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Новое «Тоотси»

От корреспондентов «Литературной газеты»

Инженер, поглаживая черный, блестящий, будто покрытый лаком брикет, говорит мне:

— К этому брикету спрессованного торфа человеческая рука не прикасалась ни разу! Он создан машинами.

«Тоотси» — первое предприятие эстонской торфяной промышленности, на котором полностью механизированы все производственные процессы. Машины прорывают каналы для осушки торфяных болот, выкорчевывают пни, выравнивают поля, уплотняют их поверхность. Машины срезают верхний слой торфяной залежи, фрезеруют ее, превращая в мелкую крошку. Они ворочают искрошенный торф, заставляя его быстро и равномерно сохнуть, собирают его в «караваны» — огромные «скрипиды», длина которых достигает трех километров, а высота пяти-шести метров.

«Караванам» подходит пути электрифицированной узкоколейной железной дороги. За восемь минут электровоз доставляет фрезерованный торф с самых отдаленных участков к приемным бункерам брикетной фабрики. Брикетирование торфа также механизировано и автоматизировано. Большую фабрику, размещенную в пятиэтажном доме, обслуживает смена, в которой всего... 12 человек!

В Эстонии помнят времена, когда «Тоотси» принадлежало акционерному обществу эстонских капиталистов. Добыча торфа — дело сезонное, и из года в год каждый вело к маленькой станции Тоотси, что в сорока километрах от города Парну, съезжалось тысячи безработных.

Труд их был каторжным. Стоя по колено в воде, покрытые черной пылью, сезонники работали от зари до зари, добывая торф вручную.

Сегодня в Тоотси исчезли не только сезонники, но и чернорабочие. Девяносто пять процентов рабочих советского торфобрикетного предприятия «Тоотси» — трактористы, машинисты экскаваторов и электровозов, механики, слесари, токари... Многие из этих профессий — новые для торфяной промышленности.

Большая часть машин, работающих на торфяных полях «Тоотси», создана или сконструирована на самом предприятии. А машины эти являются последним словом

техники. Вот фрезеровочная машина «ФТК». При ее помощи двое рабочих убирают за сезон свыше пятнадцати тысяч тонн фреза, заменив тяжелый труд 75 — 80 рабочих. Машину «ФТК» сконструировали работники «Тоотси» в сотрудничестве с сотрудниками Таллинского политехнического института и специалистами Министерства слесарной и химической промышленности ЭССР. Построил же ее коллектив таллинского машиностроительного завода «Ильмаринен». Создатели этой машины удостоены Сталинской премии.

Б. РЕСТ

ПЯРНУ, Эстонская ССР

Самолет летит над полями...

Гражданская авиация крепко сдружилась с украинскими колхозниками. Вошел в колхозный пейзаж, как привычное, рядовое, низко стелющийся над полем легкорылый самолет. Самолет подкармливает с воздуха удобрениями озимь, опыляет сады, виноградники, лесные полосы, свеколочные поля, перевозит агрономов, лекторов, врачей, почту, колхозные грузы.

Опытнейшие летчики гражданской авиации сели за парты, изучать агротехнику, новые трассы, новые оборотовые.

Из самых дальних уголков приходит в отряды сельскохозяйственной авиации заявки колхозников: «Срочно перебросить груз для будущей гидротанщины», «Уничтожить долгоносика на таком-то квадрате» и т. д.

Колхозные маршруты ложатся на карту, что расстелена перед командиром и главным инженером.

Один из других получают летчики колхозные заказы. Поднимаются в воздух группа самолетов, чтобы очистить от долгоносика несколько плантаций сахарной свеклы. Этот маленький жучок, поедая молодой свеклу, уничтожал до революции почти пятую часть посевов. Сохранился номер «Вестника сахар-

ной промышленности, в котором один из помещиков предлагал десять тысяч рублей тому, кто изобретет эффективное средство борьбы с этим вредителем.

А вот в прошлом году Министерство сельского хозяйства Украины расслало запрос нескольким тысячам колхозов: как помогают авиация уничтожению сельскохозяйственных вредителей. Ответы пришли самые радостные — ни одного гектара не погубило там, где работала авиация. И экономия средств огромная — воздушное опрыскивание в семь раз дешевле колхозного и ручного, не говоря уж о стоимости сбереженной свеклы.

Теперь авиация не только борется с несколькими жуками поднимает в воздух самолеты-опылители. Сегодня одним из первых летит В. Широкий. Золотая Звезда в семь правительственных наград — свидетельство его боевых подвигов в дни войны. Прославившийся штурмовик, демобилизовавшийся, выбрал сельскохозяйственную авиацию.

Самолет летит над полями колхоза имени Сталина. Колхозный энтомолог подает с земли сигнал. За самолетом повисает облако, медленно оседающее на землю. За три часа опылено сто двадцать гектаров. Энтомолог дает сигнал на посадку. Самолет садится на лугу. Начинается осмотру свеколочной плантации. Вот летит кверху лопатки мертвый жучок. Новые поиски — второй жучок... — «Добрая работа», — говорит энтомолог. — Конным опрыскивателем пришлось бы нам возиться дней десять!

П. МАКРУШЕНКО

КИЕВ

♦ ♦ ♦

Ступая 20 лет

Седой профессор, поднявшись на кафедру, сказал студентам:

— Сегодня лекцию читаю не я, ее прочтет машинист-экскаваторщик Николай Федорович Шестаков.

Он уступил место невысокому плечистому человеку. Тот тронул рычаги стоявшей рядом модели экскаватора, прислу-

шался к гулу моторов и начал не спеша рассказывать будущим инженерам о новых методах использования этой машины.

После лекции профессор Дмитрий Дмитриевич Бизюкин и Николай Федорович Шестаков долго беседовали. Они — старые знакомые. Первая их встреча состоялась более двадцати лет назад на строительстве Туркбаса. Инженер Бизюкин был тогда начальником экскаваторных работ, молодой рабочий Шестаков — трактористом, освоившим только что появившийся на стройке первый экскаватор.

И вот теперь встретились: профессор — воспитатель инженеров и один из лучших в стране машинистов-экскаваторщиков. До сих пор учебники утверждали, что при погрузке земли в автомашину, а не в отвалы производительность труда экскаваторщиков неизбежно снижается. А Шестаков на этих работах вдвое превышает норму. Полукубовые экскаваторы у Шестакова действуют круглый год, хотя считалось, что они могут работать только летом. Разработав свои новые методы, Шестаков отказался от бригады подсобников, которая обычно приделается экскаваторщикам.

Изучи опыт Шестакова, профессор решил внести ряд изменений в новое издание своей книги «Строительное производство на железнодорожном транспорте».

Профессор и машинист теперь встречаются часто. Как-то между ними завязался разговор об учениках.

— А знаешь ли, Дмитрий Дмитриевич, — сказал Шестаков, — у нас с вами имеются общие воспитанники.

И он рассказал о том, как приехал к нему из Череповца паренек — Аvenir Волыняк, как обучил он этого паренка экскаваторному делу, сделал своим помощником. Волыняк решил учиться дальше: поступил в Инженерно-строительный институт, слушал лекции Дмитрия Дмитриевича. И вот на днях пришел к Шестакову проститься — уезжает в Череповец инженером.

Ученики профессора работают на многих советских стройках — от Балтики до Тихого океана. Ученики Шестакова имеются на каждой площадке, где поволают он со своей машиной, обучая экскаваторщиков, — на Азовстали, в Азербайджане, в Бриске.

А. ВЕРЕСОВ

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАНИЯ НА АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

БАКУ. (Наш корр.). Издательства Азербайджанской ССР выпускают в этом году много десятков новых книг.

Ежегодно массовыми тиражами Азербайджан (Государственное издательство), Академия наук, Союз писателей, Детиздат и другие печатают сочинения классиков марксизма-ленинизма и новинки советской художественной литературы. Азербайджанские читатели уже получили переведенные на родной язык произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Беллинского, Л. Толстого, рассказы Н. Гоголя и А. Чехова, «Счастье» П. Павленко, «Весна в Сакене» Г. Гуляна, «Ветер с юга» Э. Грина, «Белая береза» М. Бубновой, пьесу «Я хочу домой» С. Михалкова, стихи М. Турсунзаде, рассказы С. Зорьяна и С. Клянашвили.

Широко переиздаются в республике про-

В колхозе имени Чалова бухгалтерский учет поставлен образцово. Все сложное и многообразное хозяйство колхоза, выращенное четким, точным языком цифр, встает, как на ладони, с красиво разграфленными цветными карандашом страницами.

Летая эти платные, тугие странички, председатель колхоза Алексей Романович Шербина как бы совершал путешествие во времени: из прошлого переносился в настоящее, заглядывая в завтрашний день. За цифрами он видел людей, осуществивших вековую мечту селянина. В стройках сегодняшнего дня открывалось будущее: своя электростанция, свои пруды с зеркальным карпом, аллон фруктовых и декоративных деревьев вдоль полевых дорог...

Лишь одна папка с некоторыми пор стала вызывать у Шербины какое-то тревожное, смутно-неприятное чувство. И штука бухгалтера, называемая «списком благодеяний», заставляла Алексея Романовича морщиться. Страницы папки прелестны записями: «Колхозу «Оборона» — 10 центнеров кукурузы», «Колхозу «Воля» — 3 центнера кукурузы», «Колхозу «Новый побут» — 20 центнеров пшеницы и т. д. В папке значились должники чкаловцев.

В один из погожих дней ранней осени 1949 года, когда молодятица домочадцев последние центнеры пшеницы и уже можно было с уверенностью сказать, что урожай зерновых на всей площади колхоза имени Чалова будет не меньше 107 пудов с гектара, Алексей Романович просматривал список должников. Быть может, именно потому, что урожай был так ровен и хорош, и предварительный подсчет доходов сулил колхозу богатейшие перспективы (на что бухгалтер скупой человек, а и тот сказал, что на один лишь культурные нужды колхоз сможет ассигновать не менее ста тысяч рублей!) — знакомый вид папки стал ненавистен Шербине.

Особенно часто мелькал на ее страничках «Новый побут». Если многие должники 1946—1947 гг. давно уже рассчитались с чкаловцами и навсегда исчезли со странички папки, то «Новый побут» настолько свисал с ролью должника, что в последние годы брал новые ссуды, не погасив старых.

«Новый побут» был соседом чкаловцев. От широкой, как озеро, в восточный разлив, площади, где на возгорбе стоит Николаевский сельсовет, далеко в поля уходила прямая, ровная улица. Ближняя к площади ее часть — колхоз «Новый побут», дальняя — колхоз имени Чалова.

С виду не удались между ними границы. На всем своем протяжении улица одинакова. Гладкие колеи, наезженные телегами, переплетаются со сложным узором автомобильных шин, а по обеим сторонам тянутся белые опрятные мазики с небольшими окошками, затененными черной, с абонимами и вишнями на заках.

Отчего же так получается? — впервые глубоко задумался над судьбой двух колхозов Шербина. — Живем бок о бок, поля вплотную лежат, земля одинаково добрая — чернозем. Между тем мы уже давно свой доверенный уровень переиграли, а те и близко не подошли. У нас пятнадцать Героев Социалистического Труда, больше ста орденосцев, слава о колхозе по всей Украине гремит, а кто о «Побуте» дальше района слышал? Отчего так? Нет у них настоящего руководства?

Шербина попытался припомнить побутцевских председателей, но в памяти возмущались смутные, расплывчатые образы.

«Сколько же сменилось за последние годы, а ни один не оставил заметного следа в жизни своего колхоза. Но зато каждый из них тут же находил тропу в правление колхоза имени Чалова: «Помогите, соседи, семонами... кукурузой... подсолнухом... телятами... транспортом...»

«И мы тоже хороши, — думал Шербина, — подкинем ссуду, а там — с глаз долой, из сердца вон. Не помогло это — чистый вред. Воспитываем являющиеся настроенными, а нет того, чтобы по-деловому подождать людям.»

И, заключая свои мысли, он произнес: — Надо так дело повести, чтобы не стало у нас этой папки. Не в почет, а в укор нам этот «список благодеяний»...

Вечером Шербина собрал у себя в кабинете активистов колхоза. Обнаружилось, что его мысли отнюдь не явились неожиданностью для чкаловцев.

— Да разве можно с таким делом мириться? — говорил темноволосый, с пылающими глазами бригадир совхозской бригады Герой Социалистического Труда Максим Ефимович Бродякин. — Вплотную хоти бы на людей — наших и ихних. Нам — соколом глядят, у соседей гордость во взгляде светится, а у соседей плохой взгляд, неаркий, будто доду опущенный.

— Пообаял я у них на полях, — сказал агроном Григорий Семенович Демченко. — Севооборот не соблюдается, агротехника — в загоне. Трактористы пахнут мелко, сантиметры на пятнадцать, а почему? Да потому, что не чувствуют над собой хозяйского глаза.

— Бригадир у них не в почете, — заметил Явор, секретарь партийной организации колхоза. — Земля не закреплена за бригадами, обезличка. Ежедневный контроль отсутствует: дисциплина на костюлах ходит. В общем, требуется поворот умов на сто восемьдесят градусов.

Как бы подтолкнул его больше, возволающему всех разговору, Алексей Романович Шербина сказал:

— Помните слова товарища Сталина: мы должны сделать колхозников зажиточными, а колхозы большевистскими. Зажиточности мы давно достигли, но не поспеваем мы называться большевистскими колхозом, коли не поможем соседу выйти в большую жизнь...

На другой день в правление колхоза имени Чалова зашел председатель «Нового побута». Поговорили о погоде — не ради приличия, а потому что сев озимых на носу. Затем гость приступил к делу.

— Выручайте, соседи. Пшеничка озимой треба. Не поможете — беда.

— Да в чем дело, — ответил Шербина. — Берите, сколько надо.

Гость, не ожидавший столь быстрого успеха, несколько ошарашен.

— Нам много не надо. Центнеров пятнадцать-двадцать...

— Об чем речь! Двадцать, так двадцать!

— Вот спасибо. Заряд выдать — добрые соседи. Как никак, на одной улице живем. Так можно присылать?

— Зачем присылать. У вас с телятом во дворе. Мы вам машиной подбросим. Соседи ведь, на одной улице живем.

Гость заулыбался. Чкаловцы и прежде не отказывали, но всегда оговаривали срок возврата да еще расписку требовали.

— Вы не сомневайтесь насчет того, — пробормотал гость, смущенный доверчивостью соседей. — Можно и расписку оставить.

— Зачем нам расписка, — последовал спокойный ответ, — наличные подавай.

Произошла тяжелая сцена. Председатель «Побута» клялся, что у них нет наличных, горько упрекал чкаловцев в скупоности, торгашестве и несосесеском отношении. И пока он говорил, сильное, суровое лицо Шербины, все перетянутое сухими, жесткими складками, медленно и грозно затекло темной краской гнева.

— Соседи, да вы с усилием вытаскиваете слова из узкого, очерченного резкими морщинами рта. — Да, плохие, пять лет браконьерским разведением. У нас что, хлеб — ворованный? Нам богатство зардом досталось?

И, не снижая жестокого напора, Шербина заговорил о том, что нет и не будет побутцов проку в семенах, если сеять плохо всхожая, дурно унавожена, если в загоне агробиологическая наука, если неумелое руководство, слабая организация скрывает силы колхозника.

— Так, значит, отказываете в помощи? — печально спросил гость.

— Нет, — ответил Шербина. — Только теперь и начинаете настоящая помощь... Колхоз имени Чалова взяла шефство над своим соседом...

Председатель Шербина, агроном Демченко, секретарь партийной организации

Явор, бригадир Бродякин и многие другие чкаловцы стали частыми гостями в «Новом побуте».

Шербина делился с побутцами своим многолетним опытом руководства передовой сельскохозяйственной артелью. Его беседы были для них настоящей школой большевистского хозяйствования.

Григорий Семенович Демченко взял под наблюдение землю. По его настоянию трактористам Ново-Московской МТС пришлось заново перепахать поля побутцев.

Бродякин рассказал о том, какая великая сила в колхозном труде — прочно сколоченная, знающая свои права бригада. Сам Бродякин работает уже шестой год бригадиром, и за этот срок неизменно оставался состав его бригады — люди крепко сработались, сроднились...

Золотая звездочка, горевшая на груди Бродякина, придавала особую убедительность его словам.

В сознание побутцев входили частью новые, частью забытые понятия: девятипольный севооборот, зеленый конвейер, подкормка, культивация, дополнительная оплата труда.

Крепко задумались люди над своей дальнейшей судьбой. Думы обернулись организационными мероприятиями: были укреплены полеводческие бригады, введены строгий контроль и учет.

Так зачинался «поворот умов на сто восемьдесят градусов», о котором говорил Явор.

Конечно, чкаловцы не ограничивались советами да беседами, они помогали телятом, транспортом, орудиями. Но это не было теперь не случайный характер, стало частью их плана и оттого приносило гораздо больше пользы, нежели прежде. Помогли и посевным материалами. «Очень рассчитываем на полный процент», — сказал новый председатель побутцев Бельх, человек, отличающийся от своих предшественников и энергией и душевной тревогой за порученное ему дело.

В лучшие агротехнические сроки закончили сев озимых побутцы... Все зиму, пока в полях белел снег, держали чкаловцы под неустанным наблюдением поля соседей. Как и в каждом коллективе, живущем полноценной творческой жизнью, у чкаловцев было много придуков на каждый случай хозяйственной нужды. Были у них свои приемы, как лучше ставить шты для снегозадержания и как способней удерживать на полях тальную воду.

Пришла пора вывозить навоз, — шефы подошли к транспорту, а агроном Демченко проследил, чтоб должным образом ухаживали за попутными. Никогда еще в пору весеннего сева не было у них так хорошо подготовленной почвы. И впервые с незапамятных времен смогли они провести сев исключительно по пару и зяби.

Поверив в агротехнику, опустив свой новый рост, люди колхоза ринулись по-новому, по-культурному вести отныне свое хозяйство и взяли агронома.

Чкаловцы не остались одиноки в своей поддержке отстающего колхоза. Ново-Московская МТС также пришла на помощь «Побуту»: сюда были направлены самые опытные трактористы, лучшая техника.

В результате «Новый побут» своими собственными силами в государственные сроки справился с посевом ранних культур — яри, пшеницы, ячменя, овса. Лишь когда дело дошло до поздних — картофеля и кукурузы, пришлось им прибегнуть к помощи шефов: одолжили у чкаловцев усовершенствованные маркеры.

«В последний раз», — торжественно сказал Бельх, и, надо полагать, сказал правду. Выходы на хорошо обработанной, добро унавоженной земле получились дружные, и побутцы знают теперь, как надо бороться за обильный урожай, который станет основой их будущего богатства.

И недалек тот день, когда на длинной прямой улице села Николаевки будут стоять не сильный и слабый, а два равно крепких, зажиточных большевистских колхоза.

НОВО-МОСКОВСКИЙ РАЙОН
Днепропетровской области

Черных заботится о цветах...

Недавно (будем точны: 16 мая 1950 года) заведующий отделом коммунального хозяйства Красногвардейского района города Краснодара Черных поленился очередную справку. Справка как справка: бланк, дата, подпись, а читатель ее, и перед глазами встает цветущие сады, нестриженные клумбы и кусты белых роз... Черных дает справку о том, как он, сил своих не щадя, заботится о красивой жизни трудящихся своего района. Посажено: декоративных деревьев 4.580, фруктовых — 5.077, кустарника — 2.200 и т. д. Что еще требуется?

Но дело в том, что, занимаясь посадкой декоративных растений, Черных, в свободное от этой красивой деятельности время, совершил неслыханное преступление против священных прав советского человека.

В 1946 году 60-летний инвалид Илларион Иванович Сорокин на окраине Краснодара своими руками построил маленький деревянный дом. Как говорится в одном из актов, «хата гр-на Сорокина имела размер по наружному обмеру 3,65×6,7 м, площадью в 24,56 кв. м... в доме имелись одна комната с кухонным очагом и сени...» Но большого Иллариону Ивановичу и не надо было: вся-то семья — он, жена и тяжело больная дочь.

Построил и жил в своем домике. Жил год, два, три... В 1949 году начались первые неприятности: оказалось, что его хата малость выступает за так называемую «красную черту», определенную по новым планам границей улицы. Илларион Иванович согласился, что порядок в городе должен быть, и с помощью соседей передал свою хату за строгую красную линию.

Но лиха беда начало... Желая до конца соблюсти все формальности, Илларион Иванович, как и другие застройщики, подал в Красногвардейский райсовет заявление о закреплении за ним того участка земли, на котором он живет уже три года.

Черным к Иллариону Ивановичу явился председатель квартального комитета Радоницкий. Он опытным взглядом взвешивая мнением определил, что в этой хатке не разжились. На всякий случай он все-таки пометил Сорокину, что за определенную плату он смог бы похлопотать перед Черным. Но недогадливый старик явно не понял, о чем речь...

Радоницкий идет к Черным. Вместо пути к председателю райисполкома Милехину и докладывает ему о «самозволенном самозастройщике, нарушителе «красной линии» Сорокине. Милехин — человек заняти, дела решает быстро:

— Снести!

Сорокин обратился в горисполком. Своими глазами слышал исполняющий обязанности председателя горисполкома Клименко и его заместителя Рубаков обличительные объяснения потрясенного старика, собственными глазами видели они слезы старика, когда он говорил о сыне, оставшемся жить за Родину, о больной дочери.

— Все ясно, дед. Ты ид, а мы тут решим...

На партийном собрании московских писателей

31 мая состоялось открытое собрание партийной организации московских писателей, посвященное вопросам литературной критики.

С докладом выступила Е. Ковальчик. Она подчеркнула о значении постановлений ЦК ВКП(б) и статей партийной печати для развития нашей литературной критики и проанализировала состояние критики после XIII пленума правления Союза советских писателей. Е. Ковальчик отметила замечательный вклад в литературную критику поворот к вопросам мастерства, появлению ряда статей, направленных против враждебных буржуазных теорий космополитизма, создания монографии о советских писателях.

Е. Ковальчик подробно остановилась на грубейших ошибках статьи А. Велика, подвергнутой критике в партийной печати. В докладе подверглись также критике статьи М. Шкрина, З. Гусевой, В. Бутусова в журнале «Октябрь», содержащие серьезные ошибки.

Выступавшие в прениях во многом дополнили докладчика. Они говорили о все

еще продолжающемся отставании нашей литературной критики. Причинами этого являются идейная и теоретическая слабость наших критиков, плохое знание жизни, неумение связывать явления литературы с действительностью, ставить большие теоретические вопросы развития литературы. Участники обсуждения говорили о литературном мастерстве критика, о воспитании молодых критических кадров.

Ряд выступавших указывал на серьезные недостатки «Литературной газеты», слабо освещающей вопросы литературы.

В прениях приняли участие Р. Бершадский, П. Скопцев, В. Немцов, М. Белых, Л. Скорин, Б. Емельянов, А. Тарасенко, С. Трегуб, Г. Медянский, Л. Лавин, М. Алешин, Е. Долматовский, С. Шемраль.

Собрание приняло решение, в котором отмечено, что при наличии отдельных достижений в состоянии литературной критики продолжает оставаться неудовлетворительным, и призвало всех критиков к активной творческой работе.

Современная буржуазная наука международного права представляет собой полный отход от него. Ее доктрины знаменуют отход по всем линиям даже от тех принципов, которые были в свое время провозглашены в процессе формирования правовых норм буржуазного общества.

Защита прогрессивных принципов международного права в настоящее время осуществляется советской наукой международного права. С первых дней своего существования социалистическое государство борется за независимость наций и народов, за суверенитет всех государств, как больших, так и малых.

Советская наука международного права дала новое содержание понятию суверенитета и равенства. В работах наших юристов раскрывается исторически прогрессивная роль этих принципов.

Советская наука международного права категорически отвергает «право» на аннексию, ставит вне закона агрессию. С точки зрения советской концепции международного права, лица, виновные в подготовке и осуществлении агрессии, должны нести суровое наказание. Для советского юриста беспорядочное применение принципов международного права, лица, виновные в подготовке и осуществлении агрессии, должны нести суровое наказание. Для советского юриста беспорядочное применение принципов международного права, лица, виновные в подготовке и осуществлении агрессии, должны нести суровое наказание.

Мирное сотрудничество всех государств и народов на основе взаимного уважения, независимости и равноправия — такова основа советской науки международного права. Эти подлинно благородные принципы в корню противополжны «международному праву» реакционных буржуазных юристов, оправдывающих империалистическую агрессию.

Прогрессивные принципы международного права обладают непреодолимой силой. Они служат делу мира и прогресса; они помогают Советскому Союзу и всему передовому человечеству бороться против стремлений англо-американских империалистов растоптать независимость малых государств, узаконить и увековечить бесправное положение колониальных и зависимых народов; они помогают силам социализма и демократии одержать окончательную победу над силами реакции.

Начальные и средние школы должны получать в новом учебном году 113 учебников на русском языке; тираж их — сто миллионов экземпляров. Все они, да исключеном десяти новых, печатаются по прошлогодним текстам, без изменений.

Когда поступит в школы новые учебники? Этот вопрос мы задали директору Училища Министерства просвещения РСФСР тов. Перловскому.

— 65 учебников уже изданы, — ответил он. — 58 миллионов экземпляров переданы книготорговым организациям Главлитиздата. Остальные учебники находятся в различных стадиях производства и выйдут в срок.

— Надеемся, в этом году учебники поступят в школы вовремя? — обратились мы к заместителю начальника Главлитиздата тов. Грушко, осуществляющему передачу руководства книжной торговлей.

— Что вы! — удивился он. — Как могут учебники поступить в срок, если они выходят с опозданием?

— Позвольте, в начале мая Училищизд сад вам больше половины книг!

— Они-то разошлись. Но ведь дети должны получить к началу учебного года не половину, а полный комплект учебников. Между тем, некоторые книги мы получим только в августе. Уйдет еще месяц-полтора, пока они попадут в отдаленные районы! Даже те учебники, которые поступают к нам в конце июля, могут прийти в эти районы с опозданием. Плохо, очень плохо пошатрется печатание учебников! «Родная речь» и задания для первого класса, нужные в декабре и январе, уже напечатаны полностью, а «Букварь», а также задания для второго класса, по которым школьники начинают заниматься с первых дней учения, вышли неполными тиражами. Четыре маших класса обеспечены учебниками на 50—60 процентов, а для 7-го класса вместо десяти с половиной миллионов книг выпущено меньше пятисот тысяч.

Мы просмотрели образцы новых учебников. Многие из них изданы хорошо, учебники. Но вот в «Истории СССР» для 4-го класса и в хрестоматии «Современная литература» (часть I) иллюстрации напечатаны до возмутительного плохо, особенно портреты.

— А почему типография, находящаяся в ведении Главлитиздата, выпускают учебники без переплетов? — спросили мы у тов. Грушко.

— Потому, что Училищизд не обеспечил их картоном, точно так же, как не обеспечил некоторые свои издания и бумагой. Типография простояла. К 1 мая она выпустила на миллион двести тысяч книг меньше, чем могли и должны были дать по графику. Мы непрерывно напоминаем об этом Училищизду, а получаем лишь в тот же ответ: бумага поступает с опозданием. В результате, до сих пор «Печатный двор» в Ленинграде попрежнему завазен «некомплетными» учебниками. Они напечатаны наполовину, для других нехватает картона и колонокора.

Из Главлитиздата мы направились в Министерство лесной и бумажной промышленности СССР, где установили, что Училищизд действительно не получил к началу мая несколько сот тонн бумаги. А среди полученной 160 тонн оказалась столь низкого качества, что государственная экспертиза признала ее «негодной для печати и подлежащей возврату товаропроизводителю».

Правильное снабжение типографий бумагой даст возможность и правильно спланировать сроки выпуска учебников. Тогда не придется каждое лето и осень прибегать к штурмовщине, чтобы спасти положение.

Е. ПЕЛЬСОН

Отдых школьников... ПО-САРАТОВСКИ

Массовый пионерский лагерь — предмет гордости саратовских организаторов.

— Шутка ли сказать: одновременно здесь будет больше тысячи ребят! А всего за лето отдохнет свыше 4.000 школьников. Во всей республике, наверное, не сыскать такого большого лагеря. Скоро подым флаг. Придут девочки.

Девочки — это первая смена, а потом — мальчики. А потом опять девочки... Лагерь-то у саратовцев, оказывается, раздельный!

Что это творчество? Заведующий городским отделом народного образования тов. Ермаченко готов все объяснить:

— Помните, когда ребята раздельно отдыхают, для воспитания лучше... Чтоб более спокойно отдыхали. Чтоб обидеть персонал и самим ребятам... У нас уж так сложилось, традиция, саратовская... А знает об этой «традиции» областной комитет комсомода?

Оказывается, не знает. Секретарь обкома ВЛКСМ тов. Русских впервые слышит об этом.

— Ведь здравый смысл подсказывает, — говорит тов. Русских, — что работу в лагере вести лучше совместно, так почему же... Нет, мы решения о раздельном лагере не принимали. Нет, нет! Обязательно проконсультируйтесь в ЦК комсомода...

Но пока секретарь обкома комсомода «консультируется», в пионерском лагере под Саратовом заканчиваются последние приготовления к приему ребят. Вот-вот тысяча школьников выстроится на линейку для торжественного подъема флага. Прозвучит пионерская песня. Но к флажку голом мальчик не присоединится голоса мальчиков. В драматическом кружке мужские роли будут исполнять девочки. И в военной игре, и в гимнастических упражнениях, и в изучении живой природы — во всей работе пионерского лагеря будет царствовать «раздельная» сценка.

Так издавна безмятежные саратовские «бифуркаторы», сторонники раздельного обучения мальчиков и девочек. А горюшки и областные организации безропотно пошли за ними.

Советскую общественность волнует вопрос о наилучшей форме воспитания молодого поколения сталинской эпохи. В Саратове это волнующий вопрос решил просто: не только раздельное обучение, но и отдых раздельный...

САРАТОВ

НА РАДУ С военно-стратегической и экономической экспансией империалистической лагеря, возглавляемой США, развернутой идеологическую подготовку новой войны.

Среди угловидных ученых лакеев англо-американских монополистов, пожалуй, наиболее преданными и исполнительными являются правые — «теоретики» международного права. Они на-легу ловят указания своих боссов. В «научной» литературе по международному праву, издаваемой в США и в других странах англо-американского блока, систематически проповедуются отказ от суверенитета и создание «сверхгосударства», обосновывается экспансионистская политика США.

«Теоретики» международного права усложняют раздвигают границы США до пределов, которые указывает им монополистический капитал. Постепенно возродились фашистские геополитические теории, делавшие мир на 3 или 4 «гроссраума», состоящих из «сверх-сателлитов». В этих целях изобретена «теория» так называемых «международных границ». «Американский журнал международного права» сообщает, что «международная граница образуется из зон, в пределах которых сталкиваются интересы великих держав». Все то, что не представляет собой зону «международной границы», является, по мнению автора статьи, некоторой Дункана Холла, сферой «сверхотвеченства» той или великой державы и прежде всего Соединенных Штатов Америки.

Оперирова понятие «международной границы». Холл пытается обосновать экспансию США в Европе и Азии, превращение Германии и Японии в зависимые от США марionеточные государства, в планы для борьбы против СССР и стран народной демократии. «Основной географический пояс международной границы», заявляет он, — проходит в настоящее время вокруг Евразии, от оккупированной Германии до оккупированной Японии.

Круг, замыкаемый Арктикой. Часть этой системы образуют пояса меньшего масштаба в Европе и Тихом океане». В соответствии с «теорией» международной границы за малыми и средними государствами не признается права на независимость.

Принцип суверенитета государств, как выражение их национальной независимости, препятствует американским империалистам вмешиваться в дела других государств, препятствует их захватничеству. Поэтому он является основной мишенью для правых, обслуживающих интересы монополистического капитала.

Для атаки на этот принцип идеологи американского империализма прибегают к юридическому казуистике, всеми силами стремясь уничтожить само понятие суверенитета. Они объявляют суверенитет понятием «относительным», «неопределенным», почти «слезуновым».

Политика развязывания новой войны во имя установления господства США над всем миром облекается американскими международниками в «научную теорию «сверхгосударства». Эта теория пропагандируется отъявленными реакционерами разных стран — Ачесоном, Даллесом, Черчиллем, Бенином, Янгеном, Реннером, служителями Ватикана и т. д.: ее обоснованием усиленно заняты американские правые — Филлип Дженсен, Филипп Маршалл Браун, Клайд Илстон. В проектах «сверхгосударства» специально отговорено право «всемирной власти» применять любые методы принуждения в отношении «непокорных» членов.

Известный специалист по вопросам международного права, бывший представитель США в ООН Ф. Дженсен в опубликованной им в 1948 году книге «Современное право народов» прямо называет в качестве одной из основных задач «сверхгосударства» борьбу с революционным движением. «Право мирового правительства», — пишет он, — будет отрицать «право на революцию» (стр. 185). При этом

«Право» империалистической агрессии

Ольга ПОЛЕНЦ,
кандидат юридических наук

Дженсен спешит сообщить о том, что «международное сообщество» должно быть готово «оказать вооруженную помощь любому из его членов, чьи местные силы не в состоянии обеспечить внутренний мир и спокойствие». Так ученые лакеи империализма пытаются «теоретически» обосновать их преступную практику. Известно, что агрессивный Северо-атлантический пакт содержит специальную статью, предусматривающую вооруженное вмешательство США в интересах борьбы с революционным и забастовочным движением.

Если для «обоснования» подчинения всех остальных государств и народов США в политическом отношении придумана «теория сверхгосударства», то для марксовского движения империализма выдвинули не менее гнусную «теорию «равных возможностей».

Принцип предоставления всем государствам «равных возможностей» в области торговли, транспорта и доступа к источникам сырья либерно рекламируется, как якобы демократический принцип. Но даже не исполнимо, в экономико-политическом понятии, что предоставление такого рода «равных возможностей» выгодно лишь сильной капиталистической державе, т. е. США. Для более слабых в экономическом отношении стран это означает превращение их в вассалов американского капитала.

Составной частью лозунга «равных возможностей» является требование «свободы воздуха» и «свободы морей», в том числе морей внутренних, для беспрепятственного пролета и прохода американских воздушных и морских судов, куда им вздумается и когда им вздумается.

«Свобода воздуха» и «свобода морей» в интерпретации реакционных правых

служит для обоснования агрессивной политики американских империалистов, бесцеремонно и грубо попирающих, как это показала недавно «инцидент» с американскими бомбардировщиком в районе Балтики, элементарные нормы международного права — суверенитет других государств и неприкосновенность их государственной границы.

Политика агрессии и атомного шагательства вызывает все возрастающее сопротивление народных масс. В обстановке роста революционного и национально-освободительного движения англо-американские империалисты прибегают к террору. Реакционные теории международного права и здесь спешат установить свою дикую завесу. В современной англо-американской международно-правовой литературе весьма распространены проекты всякого рода «хартий» и «деклараций» прав человека.

Их цель — обмануть народные массы, внушить им мысль, что англо-американские империалисты лгут о защите прав человека в международном масштабе и при помощи государственного права.

В «декларациях» и «хартиях» предусмотрено создание специального «международного суда» из англо-американских ставленников, которому разрешено, под предлогом охраны прав человека, вмешиваться во внутренние дела государств и принимать по отношению к ним принудительные меры, вплоть до военного вмешательства.

Под громкие крики о «правах человека» реакционные международники отключают в защите элементарных человеческих прав миллионы колониальных рабов. Разработаны ими теории «международных резервированных прав», аналогом которой является реакционный американский правовик Ф. М. Браун, создана специальная для обоснования угнетения и эксплуатации колониальных и зависимых народов. Оказывается, их зависимость необходимо в интересах «мира», «безопасности», «свободы морей» и «свободы воздуха».

Обсуждение произведений эстонской литературы

В дни декады эстонской литературы в Союзе советских писателей состоялся обсуждение творчества эстонских поэтов, прозаиков, драматургов.

В обстоятельном докладе эстонская писательница и критик А. Каала рассказала о демократических, революционных традициях советской поэзии Эстонии, о благотворном влиянии на нее русской литературы. Докладчиком была раскрыта тесная связь эстонской поэзии с жизнью, показана мобилизующая сила стихотворений, посвященных новой теме. В докладе содержалась и критика недостатков в последних произведениях эстонских поэтов.

В центре внимания на обсуждении стояло творчество Марта Рауда, Юхана Шмуула, Леоры Вааранди, Ральфа Парве.

А. Сурков на конкретном разборе поэмы М. Рауда «Деревня растет» и «Эстонской поэмы» Ю. Шмуула раскрыл некоторые черты эстонской поэзии.

Оба произведения являются крупными достижениями талантливых эстонских поэтов, показавших жизнь сегодняшней Эстонии. Но и у Ю. Шмуула и у М. Рауда заметно некое преобладание публицистики над художественным изображением человеческих характеров. Для эстонской поэзии этот недостаток является «болезнью роста». В поэме М. Рауда, по словам А. Суркова, ощущается некоторая упрощенность в показе классовых борьбы и организации колхоза.

Он указал также на преобладание в эстонской поэзии колхозной темы, недостаточное внимание поэтов к рабочему классу, к производственной жизни.

П. Антокольский характеризовал поэму М. Рауда «Деревня растет» как вещь, хорошо задуманную, с колоритными характерами. Конкретное изображение действительности присутствует в поэме Ю. Шмуула «Бригада парней из Ярвасуу», стихах Л. Вааранди, цикла стихов Р. Парве «Из финского дневника».

Указав на фрагментарность поэм М. Рауда и Ю. Шмуула, вытекающую из неумения оформить новую тему в четком сюжете, П. Антокольский несправедливо отнес этот недостаток к проявлению декадентских, импрессионистических влияний.

В. Друзин привал поэтов Эстонии продалать плодотворную учебу у Маяковского. Он пожелал эстонским поэтам достичь органической слитности лирического и публицистического начал. В Друзин отметил также, что в творчестве М. Рауда наблюдается ряд непроизвольных противоречий: его, в общем, сильная и действенная публицистика переходит иногда в риторику; а рядом с декларативными стихами можно найти стихи узкого, камерного звучания.

О молодости, перспективности эстонской поэзии, о национальном колорите в стихах молодых эстонских поэтов говорил председатель собрания С. Шпацев.

Почти все выступавшие затрагивали вопрос о качестве переводов стихов эстонских поэтов, отмечали неточности в отдельных переводах, напоминали об ответственности переводчиков перед поэтами.

В обсуждении приняли также участие Л. Вааранди, Ф. Потта, М. Рауд, Э. Хийр, П. Тахонен, Н. Панов, А. Лейтс и другие.

Обсуждение прозы открылось содержательным критическим докладом Г. Леберехта. Докладчик осветил пути исторического развития эстонской литературы, особо выделив ее прогрессивные демократические тенденции, которые складывались под благотворным влиянием русской литературы.

Г. Леберехт рассказал о значительных успехах эстонских прозаиков за последнее время, отметил, что ими еще не изжиты многие недостатки — некоторая узость тематики, композиционная растянutosть, блеклость формы.

Несмотря на эти недостатки, заявил Г. Леберехт, можно с уверенностью сказать, что эстонская проза стала на путь правдивого, идейного отображения жизни.

В ходе обсуждения наибольшее внимание привлек роман О. Тооминга «Зеленое золото».

Е. Книпович отметил значительность темы этого произведения, которое рассказывает о превращении в жизнь сталинского плана преобразования природы. Подробно охарактеризовал художественные достоинства романа. Е. Книпович вместе с тем указала, что писатель не сумел показать ведущих героев книги в их развитии.

О стиле и языке романа О. Тооминга говорил М. Хранченко, П. Скоксырв, сравнивая «Зеленое золото» с другими произведениями писателя, отметил, что О. Тооминг повторяет некоторые ранее использованные им ситуации, что объединяет его как художника.

С. Кирьянов посвятил свое выступление качеству переводов эстонской прозы на русский язык. Из-за отсутствия квалифицированных переводчиков, эстонские книги мало издаются на русском языке.

Обстоятельный обзор творчества Э. Мянкка сделал Н. Панов.

В докладе эстонской литературы был приурочен выпуск двух сборников: «Новые люди» и «Боевое слово». Говоря о первом сборнике, В. Васильевский подчеркнул, что его участники сумели выбрать и разработать жизненно важные темы. Однако многим из них не хватает еще художественного мастерства в изображении героев, нередко техника заслоняет человека. А. Садовский сделал ряд замечаний о сборнике начинающих писателей и поэтов «Боевое слово».

Отметив талантливость многих молодых авторов, А. Садовский указал, что большинству очерков и стихов недостает острой боевой направленности, в которой обживает название сборника.

В обсуждении принял участие секретарь ЦК КП(б) Эстонии А. Бельберг. В своем выступлении тов. Бельберг говорил о прогрессе буржуазных националистов — Н. Андрусена и его последователей, тормозящих развитие эстонской советской литературы.

Заканчивая обсуждение произведений эстонской прозы, председательствовавший на заседании В. Ложеников отметил, что в жизни писательской организации Эстонии за последнее время произошли значительные сдвиги. Появились произведения, раскрывающие новую действительность в ее главных проявлениях. Однако эстонские писатели мало обращаются к производственной теме, они не создали еще полноценных рассказов, повестей и романов о трудовых подвигах эстонского рабочего класса. Недостаточно отражена в эстонской советской литературе роль нашей партии как воспитателя и организатора трудящихся масс.

Эстонской драматургии был посвящен доклад О. Ургарта. Докладчик подробно остановился на творчестве А. Якобсона и пьесах А. Ханта «Шхуна тагаранских рыбаков» и «Буда идешь, товарищ директор?»

Буржуазные националисты стремились помешать появлению подлинно советских пьес. Они клеветали на советских людей, показывая их слепыми, примитивными,

пытаясь закрыть доступ молодым авторам в драматургию. После разгрома буржуазных националистов Союз писателей ведет интенсивную работу с молодыми авторами. Пьесы молодых авторов публикуются в приложениях к журналу «Сталинская молодежь».

О. Леонидов, А. Глебов, А. Алле, А. Брон, З. Кедрина и другие подробно останавливались на драматургии Якобсона, отмечали остроту и актуальность его пьес, глубину и законченность психологической обрисовки образов. Особенно оживленный разговор вызвала последняя пьеса А. Якобсона «Строители» («Три капитана»).

Эта пьеса, интересная по теме, направлена против пережитков капитализма в сознании людей. Однако, как отметил А. Глебов, драматургические она менее остра, менее удалась автору, нежели предыдущие пьесы. Перемена, которая происходит с капитаном Мальмом в конце пьесы, не вытекает из логического развития образа.

О. Леонидов говорил о пьесе А. Ханта «Куда идешь, товарищ директор?». Пьеса спенчана, написана сочным языком. Интересен образ директора Тыниса. Но есть в пьесе и недостатки. Отрицательные персонажи активнее, нежели положительные. Автор не называет истинных хозяев врага народа Харальда. В некоторых эпизодах проглядывают чуждые реалистичности влияния. Так, в эпизоде, предшествующем рассказанию Тыниса, народ играет роль символического хора, олицетворяет некий голос совести.

А. Хитт поблагодарил выступавших за подробный разбор и критику его творчества. Он говорил о том, что критика драматургических произведений в республике не всегда бывает справедливой. Неплохие пьесы, хоть и страдающие известными недостатками, написали А. Саар и А. Тулик. Однако критика отступила от разговора и так.

Оживленный обмен мнений вызвал вопрос о переводе эстонских пьес на русский язык. Л. Тоом со своим мнением осудил тот факт, что Л. Леонидов сделал перевод пьесы Якобсона «Два лагеря», а П. Вирта (совместно с Л. Тоом!) — пьесы «Строители». «Зачем прибегать к работе писателей, не знающих эстонского языка», — заявила Л. Тоом, — когда есть люди, переводящие непосредственно с эстонского без помощи подстрочника».

А. Крон и А. Глебов справедливо указали, что дело идет не о доработке или украшении произведения талантливого эстонского драматурга, как выразилась Л. Тоом. Следует говорить о качестве и точности переводов, но нельзя осуждать сам принцип творческого содружества больших писателей — эстонских и русских.

В обсуждении приняли также участие: И. Фельдбах, А. Тулик, А. Саар, В. Васильевский и другие.

В заключение выступил председатель собрания Б. Ладренев, подведший итоги выступлениям.

Обсуждение творчества эстонских писателей было плодотворным. В нем приняли активное участие ведущие московские писатели. За справедливой, дружеской критикой чувствовалась подлинная забота о росте эстонской литературы. Многочисленные встречи в дни декады взаимно обогатили гостей столицы, читателей и писателей творческого общества Москвы. Это творческое общение, несомненно, поможет эстонским писателям в осуществлении их литературных замыслов.

Поэтическая комедия

В. ЕРМИЛОВ

А. Корнейчук написал содержательную, веселую и поэтическую пьесу, давшую возможность Малому театру (постановщик А. Дикий) создать интересный спектакль. «Калиновая рожа» свидетельствует о дальнейшем росте и о жарком разнообразии творчества одного из наших популярнейших драматургов. А. Корнейчук является автором и драм, в собственном смысле этого слова, и комедий с преобладанием остро сатирического начала («Фронт») и комедий со своеобразным добродушным сатирико-водевильным колоритом («Приезжайте в Звонково!»). В «Калиновой роже» драматург предстает перед зрителем и читателем (пьеса печатается в шестом номере журнала «Новый мир»), как автор ясно очерченной в своем жарком своеобразии лирической комедии.

Лирическая комедия отличается сочетанием открытого, звонкого смеха с внутренним, заключенным в «подтексте» серьезным поэтическим раздумьем; это делает своеобразными и лирику и юмор: сама лирика предстает в лирической комедии в форме юмора, самое раздумье освещено улыбкой.

Юмор лирической комедии может быть и радостным и печальным. В генеральной лирической комедии великого основоположника этого жанра, в пьесе «Три сестры», юмор был проникнут скорбью о гибнущей красоте жизни, попармаемой грубой силой торжествующей пошлости.

«Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!»

В этих словах одного из героев пьесы раскрылась вся ее тоска-мечта.

Советская драматургия стремится выразить юмор, свою поэтическую тему.

«Какие у вас красивые люди», — говорит один из героев «Калиновой рожи», художник Верба, приехавший в колхоз. Как они, эти люди, красиво поют, красиво работают, красиво живут, красиво любят, какие у них красивые мысли и чувства! «Здесь такая чудесная природа», — говорит другой герой «Калиновой рожи», писатель Батура. Автор пьесы сумел донести до нас живое ощущение красоты пейзажа своей Калиновой рожи. И из всего этого рождается поэтический мотив пьесы — мотив, который можно было бы выразить в словах:

— Как красива эта земля, и какая красивая жизнь расцветает на ней! Именно это и определяет всю светлую, романтическую художественную атмосферу пьесы А. Корнейчука, весь ее пафос.

Жизнь нашей современной колхозной деревни, ее переловые люди, с их увлечением творческим трудом, с воспитанной в них большевистской партийной непримиримостью ко всяческому застою, успокоенности, с постоянным страстным стремлением к новому, все более прекрасному, — вот о чем рассказывает пьеса. Она рисует и старшее поколение колхозной деревни, и молодежь; автора интересует духовный облик новой сельской интеллигенции, работающей после окончания высших учебных заведений в родной деревне, — такова одна из двух главных ролей пьесы, сельская учительница Надежда Романюк, дочь председателя колхоза; автора интересует рост интеллигентности в среде колхозников: об этом свидетельствует образ другой героини, юной звеньевой Василисы Ковшик, весь облик которой проникнут внутренней культурностью.

Этот мотив пьесы — старание противополжности между городом и деревней — подчеркивается тем, что в сюжете большую роль играет «встреча» высококвалифицированной городской интеллигентки (известный писатель, лауреат Сталинской премии, и художник, приезжающие в колхоз со своими художественными замыслами) с людьми колхоза. При этом вскрываются присущие нашей стране единство мыслей, интересов, духовное родство переловых людей города и деревни.

Естественная близость между советской городской интеллигенткой и людьми колхоза А. Корнейчук рисует всем ходом своей пьесы, а также и множеством деталей, в том числе шуточных, комедийных. Так, председатель Наталья Никитична Ковшик, мать Василисы — девушка, в которую влюбляется художник Верба, — говорит ему, по-матерински поменявшись над его негодностью в отношении с любимой девушкой: «Вот уж мне эта интеллигентка!» Зрительный зал встречает добродушным смехом эту улыбку над искренностью некогда столь драматической, нередко трагической темы «интеллигентки и народа». Вот такой содержательный, умный юмор, утверждающий новое в нашей социалистической действительности, овеет пьесу. Есть в ней и другое — сатирическое начало.

Социальный конфликт заключается в столкновении колхозников-переловков с руководством колхоза в лице его председателя Ивана Петровича Романюка, который становится тормозом в колхозной жизни.

В жизненно-верных сатирических красках обрисована позиция, на которую скатывается Романюк — некогда заслуженный руководитель, человек одаренный, с энергией и работоспособностью. Он постепенно обладал себе, так сказать, «среднечеловеческую» установку, утвердился на такой «философии», которую в прежние времена, пожалуй, назвали бы философией «золотой середины» и которая оказывается несомненно с законами нашей жизни. Не без основания Романюка назвали на собрании районного актива оппортунистом. Когда ему говорят о необходимости равнения на переловые колхозы, Романюк возражает: «Они, конечно, переловые, но мы, средние колхозы, — есть основная сила... Потому они и герои, что мы не герои, а кабы мы стали героями, то тогда это слово бы имело бы такого значения». Таков перд обывательской, — «моя хата с краю», — предельщической премудрости.

Взаимоотношения между переловым и средним в нашей действительности, да и сами эти понятия подвижны; если переловое не становится еще более переловым, то оно быстро становится отсталым. При таких закономерностях нашей жизни ориентировка на «среднее» есть не что иное, как ориентировка на отсталое. «А отсталых бьют». Так победил жизнь и Ивана Петровича Романюка, вместо которого колхозники избирают нового председателя, Карпа Ветрового, бывшего матросом во время Отечественной войны.

Характеризуя Романюка, Ветрового говорит своему фронтовому другу и командиру, писателю Батуре, что он, Романюк, тоже стремится к хорошему, но только это «его хорошее — узкое, маленькое». А наша действительность, устремленная к коммунизму, не терпит ничего узкого и маленького! Равнение Романюка на зенья, а не на постоянную производственную бригаду, его комплексно-важные рассуждения «о курском эксперименте» — все это тоже оказывается связанным с «философией отстойной воды», с пессимизмом собственности, косности, узости, равнодушия к великому общему делу.

В обрисовке отсталой и вредной позиции Романюка автор дает много запоминающихся сатирических штрихов; в диалогах много лукавого юмора и настоящего комедийного мастерства. Корнейчук овладевает умением такого комедийного обмена репликами между персонажами, который можно назвать дуэляновым: в нем и люди говорят, спорят о совсем, казалось бы, посторонних, случайных, бесличных вещах, не имеющих к ним никакого прямого отношения; и в то же время этот спор внутренне, — «во втором плане», в «подтексте», — оказывается спором о самом важном, о самом главном для этих людей.

Вот писатель Батура восхищается пейзажем: «Невыразимая тишина у вас... Покой, величественный покой». Дочь Романюка, Надежда, которой, как и всем переловым людям колхоза, давно надоел «покой» председателя колхоза, его безразличие идти вперед, спрашивает: «Разве покой может быть величественным?», — а Романюк, чувствующий внутренний смысл вопроса дочери, «сплохов» по своему адресу, торопится ответить за писателя: «А почему не может быть? Они лучше тебя понимают, что может быть, а чего не может быть». Реплика Романюка смешна вдобавок: и сама по себе, и еще по своему внутреннему смыслу. Вот это и есть комедийное мастерство, противостоящее внешнему, пошлостному, «одноплановому», порою просто словесному, каламбурному остроумию, столь еще распространенному во многих наших комедиях.

Романюк совсем не безнадесен, он поправится! И хотя после собрания, на котором его основательно раскритиковали и освободили от председательства, он говорит Надежде: «Доченька, не кричи на меня. Я и так закричалый. Весь закричалый!», — все же этот «крик» ему пошел на пользу; он в самом деле глубоко познал всю неверность и пагубность своей позиции и необходимость для себя перучиваться с ней.

Наряду с указанным общественным конфликтом, в пьесе разрабатывается и любовная тема, и, кроме того, большую роль играет особая, редко разрабатываемая в драматургии, тема в заимствованном отношении искусства и жизни, поэзии и действительности.

Надежда Романюк, как это бывает с юными девушками, романтически влюбилась в героя книги, матроса, чудесного, большого человека, героически спасшего жизнь своему командиру. И вот она встречается с автором этой, так глубоко взволновавшей ее, книги, со знаменитым писателем, запряго приехавшим в их село. Уже это одно является событием в ее жизни. Понятно, что она с огромным интересом относится к писателю; кажется даже, что между ними может возникнуть серьезная близость. Но писатель наблюдает, чувствует; он понимает, что по-настоящему Надежда любит матроса Ветрового, — только сама она не понимает себя.

Ветрового скрывает от всех в деревне, — в том числе и от Надежды, которую он страстно, глубоко любит, — что именно он и является тем матросом, который описан в книге писателя Батуры. Он хочет заработать, завоевать и авторитет в колхозе, и любовь Надежды своим трудом, своим сердцем, не пренебрегая в помощи таких сильно действующих факторов, как свой литературный портрет, который кажется ему преувеличенным, ложноромантическим.

И вот происходит «чужес». Писатель Батура, оказывается, описал в своей книге и самого себя: он является тем самым командиром, которому спас жизнь матрос Ветровый. Писатель считал Ветрового погибшим, — и вот он встречается в селе Калиновая рожа! А затем и Надежда узнает от Батуры, что Ветровый и есть тот матрос, в которого она влюбилась «по книге», «как в живого».

Могут сказать: цепь «случайностей», редкие, небывалые встречи, «неромантично». Но искусство изображает то, что возможно, что может произойти в жизни; а в нашей жизни и могут произойти все те чудесные встречи, которые происходят в этой романтической Калиновой роже, потому что сама наша действительность романтична, поэтична! И потому-то все «случайное», «необыкновенное», романтическое в пьесе Корнейчука не производит впечатления фальши, выглядит естественным и реалистичным. Вот эта тема — красота нашей реальной действительности, оказывающейся еще более поэтической и романтической, чем сама поэзия, — эта тема и составляет источник лирического юмора пьесы.

Молодому «местному поэту», секретарю сельсовета Кандыбе, замучившему всех своими стихами, писатель Батура советует расстаться с лжепоэзией, лжеромантикой, «не выдумывать».

В музее нашей поэзии ничего не стоит; подлинная поэзия заключена в самой нашей действительности, в ее буднях, — надо уметь увидеть, понять ее, и тогда уже придет настоящая, творческая «вдупка», обобщение, свобода обращения с материалом жизни, фантазия!

Чем реалистичнее, тем романтичнее! — таков характер и самой нашей поэзии, и нашего искусства.

Надежда, в финале пьесы, покаясь, свою любовь, говорит Ветровому, который прежде и привлекал ее и казался вместе с тем «недостаточно романтичным»:

«А знаешь, Карп Корнейчук, я очень ошиблась... Вы больше, вы сильнее, чем образ моряка, который создал Батура в своей книге...»

Так пересекаться, встречается романтика поэзии и романтика жизни в нашей действительности. Естественно, что примет — за живой действительностью! Но отношения между поэзией и жизнью сложны и богаты: рожденная действительность, поэзия, в свою очередь, воздевает на нее.

Батура, проживший месяц в Калиновой роже, почувствовал, что Надежда — это и есть его любовь, которую он «искал годы»... И, поняв это, он все же решает уйти с жизненной дороги Надежды и своего друга Ветрового. Художник Верба спрашивает его: а что, если он больше не встретит никогда в жизни любовь?

«Батура. И все-таки не могу я вырваться из своей души чувство дружбы, солдатской дружбы, которое согрело мое сердце... Я написал о нем книгу, в нее поверил. Сколько писем я получил. Сколько молодых читателей хотят быть такими, как мой моряк... Если же я изменю этой дружбе — кто знает, не упадет ли мое сердце, как этот пожелтевший лист...»

Надо поднимать и себя самого и всю жизнь на высоту поэзии, на высоту романтических, цельных образов искусства. Нельзя изменять поэзии, потому что это было бы изменой жизни. И нельзя изменять жизни, потому что это было бы изменой поэзии.

Так веселая комедия Корнейчука с ее добрым смехом оказывается связанной с серьезными вопросами эстетики.

Не все из намеченных автором мотивов нашли свое полное художественное осуществление. В отдельных репликах Батуры, Ветрового, Надежды есть нечто недраматичности. С точки зрения сюжетной, пьеса делится как бы на два «сектора», на две параллельные линии: борьба с неюровой позицией председателя и линия любовная, одновременно ставшая отмеченные нами проблемы эстетики. Конечно, тематически и идейно, поэтически и оба «сектора» глубоко связаны между собой; и там и здесь речь идет об утверждении светлой, большой жизни, о борьбе за нее, о духовном и душевном облике наших людей. Но эта идейная, тематическая связь слабо выражена в сюжете. Слабость нашей драматургии — недостаточное умение авторов настолько тесно связать тему пьесы с сюжетом, чтобы сюжет представлял собою реальный о движение и решение темы пьесы, — эта слабость — композиторский недостаток мастера в известной мере присуща и пьесе А. Корнейчука. Наши драматурги должны с особенной тщательностью работать над сюжетом, потому что степень убедительности, правдивости сюжета, прочности и естественности его реальной, действительной связи с темой произведения означает для драматурга меру глубины и свободы овладения материалом изображаемой действительности.

Комедия А. Корнейчука порою терпит свою художественную цельность и в одном месте даже сбивается на «эстраду»: такова сцена с рыбаками из рыболовецкой артели. Здесь много веселого и смешного (и очень талантливого, кстати сказать, игра П. Светловцова в роли одного из рыбаков), но все же сцена воспринимается скорее как «клевещество».

Постановка Малого театра сама по себе заслуживает отдельного разбора. Театр верно нашел стиль спектакля, сумел сочетать точный бытовой рисунок с романтичностью и поэтичностью. Очень содействует успеху спектакля талантливая работа художника А. Петрицкого, создавшего то ощущение красоты пейзажа, которое особенно важно для этой пьесы. Отличные образы создал Ф. Григорьев (Романюк), В. Папеева (Наталья Никитична Ковшик), П. Оленев (подхалим при Романюке), С. Фадеева (сатирический образ бездельника-матроса, жены «крупного работничка»). Талантливо лиризовала К. Рок образ Василисы; артистка передает и пошлость, и молодую непосредственность, пылкость, романтическую чистоту героини, силу и красоту ее чувств. Прост, естественен М. Царев в роли — всегда традиционно трудной! — писателя. Артист играет внимательного, скромного, умного, хорошего человека. Надо только «почистить» образ, совсем освободив его от налета «декламационности».

Вызывает возражение Карп Ветровый — Н. Аппенков. Артист еще не нашел простого, естественного жеста, манер, стиля поведения своего героя, он кажется нервным, суетливым и даже иногда «романтично-прегниционным». Над образом еще нужна работа. Гораздо более серьезные, принципиальные возражения вызывает игра И. Лиско (Надежда Романюк); в ее исполнении нет непосредственности, свободы, нет того, что охватывает всю пьесу Корнейчука и весь спектакль: и народности! Образ получается сухим и даже фальшивым. Повидному, артистка ищет не свой роль.

Коллектив Малого театра порадовал зрителя в конце сезона настоящим комедийным спектаклем, посвященным нашим людям, нашей поэтической действительности.

Выводы

Выводы

Выводы

Выводы

Выводы

ПОВЕСТЬ О ЗОЕ И ШУРЕ

М. АЛИГЕР

«Писать эту книгу мне было и радостно и горько. Я писала ее, и мне казалось, что я снова качаю колыбель маленькой Зои, снова держу на руках трехлетнего Шуру, снова вижу их вместе, моих детей, — живыми, полными надежд».

Память — одна из удивительных сил человека, одна из тех сил, которые почва делают его неповторимым, а память беспредельное любящего сердца поистине способно на чудеса, и вот рукой этой памяти и написана книга Любови Тимофеевны Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре». Великая любовь матери сумела припомнить все, начиная от первых шагов и слов, короткую и ачную жизнь ее детей, сумела рассказать о ней светло и спокойно, не забыв ни одного хорошего дня, ни одной ребяческой радости. Любовь матери так трепетно оберегает счастье ее детей, их простое и солонное советское детство, что, читая книгу, порой ловишь себя на смутной надежде: что-то еще произойдет, что-то поменяет врагам, и на этот раз все будет не так, как было на самом деле.

«Но чем меньше бстаётся рассказывать, тем мне тяжелее, тем зрнее близкий, неотратимый конец, тем труднее находить нужные слова...»

Эти строчки лишают нас той приврачной надежды, которая мелькнула на мгновение, и заставляют признать, что она была минутной слабостью, на которую нам не дают права ни наше суровое время, ни эта книга, ни ее неотвратимый конец, который и концом-то не оставляет, ибо он стал началом бессмертия, началом вечной жизни героев советского народа — Зои и Шуры Космодемьянских. И Любовь Тимофеевна, достойная мать своих детей, предостерегает боль своего сердца и находит нужные слова. Что помогло ей в этом?

«...Я поняла: дать горю сломить себя — значит оскорбить память Зои. Нельзя сдаться, упасть, нельзя умереть. Я не имею права на отчаяние. Надо жить. Надо бороться во имя будущего, во имя счастья своего народа».

Выступать перед людьми, говорить с большой аудиторией мне было очень трудно. Но я не могла отказать, когда меня просят приехать, а это бывало все чаще. Не смела отказать, потому что поняла: если мое слово помогает, если оно доходит

до людей, до молодежи, если я могу внести хоть небольшую долю в великую борьбу с врагом, — значит, я должна это сделать».

И мать Зои выступает перед молодежью заводов, колхозов, шахт, учениками вузов и школ. Появляются воинские части имени Зои, бригады и звенья имени Зои, пионерские дружины имени Зои — первые в бою, первые в труде, первые в учебе. И в первых рядах Советской Армии шел к победе брат Зои, танкист Александр Космодемьянский. Он погиб смертью героя под Ленинградом в апреле 1945 года, на пороге победы.

«А 9 мая я стояла у своего окна и смотрела, как текла мимо людская река: шли дети и взрослые, все — как одна семья, ликующие, счастливые. День был такой яркий, такой солнечный!.. Мои дети уже никогда не увидят ни голубого неба, ни цветов, они никогда больше не встретят весну. Они отдали свою жизнь за других детей — за тех, что шли в этот долготянувшийся час мимо меня».

Всю свою жизнь посвятившая детям как советский педагог, мать Зои и Шуры стала большим и дорогим другом всех детей нашей Родины и всего советского народа. Ее дети отстояли для Родины мир, счастье, спокойствие, государство, на которое с надеждой глядят все простые и честные люди мира, все, кто помнит, что такое война и что такое фашизм. И когда в этом послесловном мире вновь зашевелились темные силы, когда вновь нашлись человеконенавистники, которые с возмездием произнесли слово «война», когда в свежем воздухе войны 1949 года вновь запахло дымом и гарью, — Советский Союз послал делегатов в Париж на Всемирный конгресс сторонников мира мать Зои и Шуры. Ибо кто мог больше, чем она, ненавидеть тех, кто решается снова начать войну? Кто смел с большим правом, чем она, спросить: «...неужели кровь наших детей пролилась напрасно? Неужели мир, добытый ценою жизни наших детей, ценою наших слез — слез матерей, вдов и сирот, — будет вновь нарушен по воле злобных и гнусных сил? И когда в зале Плейбей раздался голос другого советского делегата Алексея Маресьева: «Каждый

человек должен спросить себя: «Что я делаю сегодня в защиту мира?»», — мать двух юных героев ответила на этот вопрос самой себе:

«Я рассказую о своих детях. О детях, которые родились и росли для счастья, для радости, для мирного труда, — и погибли в борьбе с фашизмом, защищая труд и счастье, свободу и независимость своего народа».

Так рождалась эта книга, пламенная и страстная книга, которая может дать много и юноше и взрослому читателю. Юноше она дает возможность увидеть те прямые пути, по которым пришли к свершению подвига советские школьники Зоя и Шура, раскрывает истинную сущность героизма, который воспитывается вместе с силой воли, с требовательностью к себе, с большой чистотой и принципиальностью; взрослому она поможет советом, подскажет пути к сердцу ребенка, которого он должен воспитать полноценным советским человеком.

«Они должны быть счастливыми! Они будут счастливы!» — говорит Любовь Тимофеевна о других, бесконечно дорогих ей детях.

Да, советские матери могут быть счастливыми. Наша великая страна, ее могучие хлеба, ее неисчерпаемые недра, ее сильные люди и ее гениальный коритиш дают нам возможность быть спокойными за судьбы наших детей.

Но еще плачут матери Греции и Бельгии, матери Франции и Англии, Беллуги и Токки выходят на улицы с плакатами: «Дайте нам мир, свободу и хлеб». И советские женщины, советские матери, всегда и при всех обстоятельствах являющие собой пример героизма и мужества для трудящихся женщин всего земного шара, идут сегодня в первых рядах борцов за мир. Они выходят на эту борьбу, полные решимости победить, готовые принять любое сражение, и к ним не надо обращаться с призывом «вооружайтесь», ибо матери никогда не безоружны. Они — солдаты мира, в совершенстве владеющие горячим оружием, которое не ржавеет и не отказывает, с которым они не расстанутся ни днем, ни ночью. Это оружие — великая материнская любовь, та самая, которая провожала детей в бой и давала им силы быть достойными лгтями своей Родины, это оружие — стремление матерей вырастить своих детей прекрасными людьми для жизни в новом светлом мире.

Берлин в эти дни

В этой корреспонденции я хочу несколько подробно рассказать о воскресном дне 28 мая — дне грандиозной демонстрации молодых немецких борцов за мир.

Берлин пронесся 28 мая задолго до рассвета. Начало демонстрации было назначено на восемь утра, а погода, от которой в этот день многие зависели, портилась на глазах. В семь часов начался проливной дождь. Одно время казалось, что демонстрацию придется отменить. Однако в девять утра, и десятки тысяч людей на гостевых трибунах, и берлинцы, сплывшей толпой стоявшие на тротуарах Унтер ден Линден, от Бранденбургских ворот до площади Люстгартен, не прорвались с места.

Все началось по плану. В начале десяти после кратких выступлений Шлика, Хоенкера, Ги де Бруссона, Иозефа Громана и Котемасова грянул салют ракет. На площади в дыму разрывов развернулись флаги Германской демократической республики, Советского Союза и стран народной демократии. В воздух вымалы тысячи голубей. Встревожненные грохотом ракет, криками и рукоплесканиями сотен тысяч людей, голуби долго носились над площадью.

Дождь перестал. Грандиозное пространство от Александриада до Бранденбургских ворот голубило взмахами юных борцов за мир. Даже старые вязы на площади Люстгартен покрывались пучками голубых цветов. Это наиболее инициативные из малышей устроились на ветках деревьев и отсюда общались стоящим на земле о ходе демонстрации. Сотни тысяч людей заполняли берлинские улицы, выходящие из окон окружающих зданий, лепились на остатках памятника Фридриху-Вильгельму. Помимо 700 тысяч молодых демонстрантов, на улицах и площадях города в этот день был по меньшей мере миллион зрителей.

Перед университетом возведена специальная трибуна для почетных гостей из Западной Германии, а колонны западно-германской молодежи давно уже окружены кольцом любознательных.

Еще накануне многие тысячи западных берлинцев заблаговременно перебрались к знакомым на землю Германской демократической республики.

У границ восточного сектора западно-берлинская полиция несла усиленную службу. Однако сотни любознательных толпились по краям Потсдамской площади, где сходятся границы английского, американского и советского секторов, а также за Бранденбургскими воротами, откуда был великолепно виден весь ход демонстрации.

Передатчик, что же Шумахер, известный правосоциалистический прово-

катор, прибыл в западный Берлин, чтобы понаблюдать за «снигдентами», которые уже заранее сгруппированы и мобилированы. Сопровождают Шумахера от правительственной армии корреспондентов. Один из них прибыл официально, другие пробирались тайком. Считают, что тех и других было не меньше тысячи человек.

Помимо корреспондентов немецких, над городом суетится воздушный разведчик, американский вертолет. Воздушный транспорт занимается здесь сам командант американского сектора Тейлор, но сегодня по очереди летают английский командант Борн и французский — генерал Ганеваль. Работы хватит трем до самого вечера. Зрители, которые запечатлели пленку, стоят того, чтобы над ним задуматься не одному Тейлору и его коллегам.

Не буду описывать грандиозные масштабы демонстрации, красоты ее колонн, обилие цветов, — это уже известно из печати. Я хочу коротко рассказать, как выглядели люди и как они вели себя.

Я стоял на трибуне среди берлинских студентов. В течение многих часов демонстрации они не умолкали почти ни на минуту. Соединяясь по несколько человек, они то громко приветствовали проходящие колонны, то выкрикивали лозунги, то запевали хором песню, чаще всего советскую, которую исполняли с огромным восторгом. Найдя в колоннах знакомого, они кричали ему: «Будь готов!», «Дружба!» и знакомый, поддержанный друзьями, отвечал им через всю площадь.

В конце концов наша студенческая трибуна сама как бы превратилась в марширующую на месте колонну. Когда поют двадцать юностей, — человек зрелых лет не может остаться нейтральным; он либо присоединится к юности, либо отойдет в сторону. Нейтралитет — весьма опасная вещь на массовке. На нашей студенческой трибуне было немало пожатых — и они тоже пели, и пели азартно, с вызовом.

Очень волнующим было появление колонн молодежи из Западной Германии. В энтузиазме самого высокого напряжения казалось еще что-то новое. Я не знаю, как называлось возникшее чувство. Всего вероятнее, это был восторг. Кричат приветствия казалось уже недостаточно. Хотелось действовать. И когда кто-то из типов народной полиции, почувствовав это, стал пожимать руки проходящим мимо него юностям и девушкам из Рура, его примеру последовали многие другие. В конце демонстрации толпа берлинцев, провозгласив народную полицию, хлынула на Унтер ден Линден и влилась в поток демонстрантов.

Берлинцы почувствовали вкус к активным действиям.

Восемь часов подряд шли колонны демонстрантов. Ни дождь, ни усталость не ослабили общего подъема. Я бы даже сказал, что внутреннее сознание прошедшего пришло позже, уже после самой демонстрации, когда улеглись первые бурные впечатления.

Пожилый немец, владелец магазина, так охарактеризовал мне день 28 мая: — Своей телеграммой — Генералиссимус Сталин заложил основы новой Германии. Сегодня мы отвечаем ему, что растим ее.

Того, кто видел Германию после 1945 года, темпы хозяйственно-экономического развития Восточной Германии удивили бы и без ошеломляющих картин молодежного сета. Но сегодня мы увидели и другое — политическое возмужание кадров молодой Германской демократической республики и силу ее правительства. Поход юности — событие, равного которому по масштабам еще не знали западно-европейские страны.

Реакционеры предсказывали организационный провал сета. Об этом «предсказание» смешно и вспоминать. Реакционеры предсказывали молодежный бунт, грабежи, хулиганство. Молодежь вела себя выше всяких похвал. Реакционеры предсказывали ценную неудачу сета. Счет препирали в международное событие. Теперь они толкуют о том, что большевики — это всегда было, мол, известно — хорошие организаторы.

Последнее, конечно, несомненно. Но следует понимать некоторые вещи шире. Успех сета основан не на хорошем расписании поездов и не на отличной работе десяти тысяч мобилизованных автобусов, а на своевременном образовании Германской демократической республики, на прекрасном воспитании молодежи, на явных успехах немецкой экономики.

Едва закончилась демонстрация, как на одном из стадионов уже начались футбольные состязания, а поздним вечером в Трейтов-парке ансамбль народного танца Союза ССР под руководством Игоря Моисеева выступал перед 40-тысячной аудиторией. Выступать, собственно говоря, было нельзя. Дождь, снова пошедший во второй половине дня, изрядно замочил сцену, сделал ее негодной для танцев. Тогда участники сета трипками высушили сцену — и ансамбль танцевал.

Нет, всего что здесь сейчас происходит, нельзя было «организовать». Нужно было воспитать народные массы. Вероятно, это понял даже Шумахер.

БЕРЛИН. (По телефону)

Америка, которую я знаю

III.

Времена меняются, а темы капиталистической пропаганды все те же; они обременены давным-давно. С унылым образом обременены эта пропаганда надувателем человечество жуежом «коммунистической угрозы», и это длится с тех пор, когда впервые — сто два года тому назад — опубликован был «Манифест коммунистической партии».

«Призраком коммунизма» пугают рядового американца в Сан-Франциско, Топеке, Канзасе и в доме № 43-30 по 46-й улице в районе Саннисайд города Нью-Йорка. Однако призрак опасен не только, и потому, если вы спросите у одного из таких рядовых американцев: «Чем же это так досаждало миру русские коммунисты?» — он начнет запинаться и путаться, а потом пробормочет туманно: «Трудно сказать!»

Короче говоря, защитники государственного департамента — авторы газетных передовиц и радиомониторы сумели взвинтить нервы, но им так и не удалось убедить людей в необходимости «холодной» или тем более «горячей» войны. Почему же успехи их столь ничтожны? Почему, располагая огромной силой унифицированной истерической печати, поджигателей войны так и не сумели восстановить американский народ против Советского Союза?

Причину найти нетрудно: факты сами бросают вызов! Американская печать, например, изо дня в день твердит о том, что «красный империализм» и «советская экспансия» превелики мир в состоянии осады. Независимо, когда представители СССР и Китая вели переговоры, изменяющие весь ход истории, государственный секретарь США Дин Ачесон прибегнул к той же фразеологии. Он объявил, что, прикрываясь этими переговорами, Советский Союз «отрывает» от Китая обширные территории. К огорчению м-ра Ачесона, едва только его заявление появилось в печати, участники переговоров в Москве опубликовали подписанные ими соглашения. Из этих соглашений весь мир узнал, что Советский Союз, далекий от каких бы то ни было посягательств на китайские территории, добровольно возвратил Китаю исторические форпосты обороны — Дальний и Порт-Артур.

И что же говорить? Тяжела жизнь тех, кто планирует пропаганду государственного департамента!

Впрочем, это уже не только вопрос пропаганды. Американский народ отказывает политике Уолл-стрит и Вашингтона в поддержке, и это создает крупные политические затруднения. С одной стороны, двухпартийные поджигатели войны (теперь также республиканцы и демократы символизируются эддисменом Ачесоном и Джоном Фостером Даллесом) с самого 1945 года твердят народу, что распространение американских баз и американских военных частей по всему миру не влечет ни малейшего риска, ибо остальной мир слишком слаб. В частности, Советский Союз, по их уверениям, держится на глиняных ногах... А с другой стороны, они вынуждены прибегнуть и к прямо противоположному тезису: США, мол, чересчур слабы, чтобы пойти на «перемещение» с Советским Союзом!

Посмотрим, как же развивают они эти теории, взаимоисключающие одна другую.

Нужно вспомнить, что американская политика «холодной войны», нашедшая выражение в доктрине Трумэна, «плане Маршалла» и Атлантическом пакте, основывается на мнении о слабости СССР, как на главном принципе. Этот принцип не нов. На протяжении двадцати лет, предшествовавших второй мировой войне, буржуазные страусы, пряча головы в песок пропаганды, игнорировали растущую мощь Советского Союза.

В 1941 году, когда гитлеровцы вторглись в Советский Союз, генерал Джордж Маршалл пригласил на неофициальную пресс-конференцию более двухсот «создателей общественного мнения» и объявил, что фашисты возьмут Москву через шесть недель. Сталинградская эпопея, кажется, могла бы раздвинуть этот вопрос раз и навсегда; этого, однако, не произошло. И, по видимому, именно за столь блестяще проявленный пропагандистский дар тому же генералу Маршаллу доверено было управление послевоенной внешней политикой США. Для руководства политическим планированием он избрал себе в помощники Джорджа Кеннана, чья известная статья, подписанная псевдонимом «М-р X», повторяла старую поговорку о том, что советская система в основе своей слаба и что стоит лишь Соединенным Штатам оказать на нее достаточный «нажим», как она рухнет и капитализм вновь расцветет на ее руинах...

Подобными разглагольствованиями эти джентльмены надеялись уничтожить все страхи перед опасностями, которыми превращается американская экспансионистская политика, и вселить уверенность, что если «предупредительная» война будет «необходима», то она завершится атомной победой никак не более, чем в четыре дня.

«Мы слабы, а русские слабы», — под прикрытием этой пропаганды Соединенные Штаты продолжали расширять империю, и без того разбухшую сверх пределов, известных в истории. Они опутывали мир такой обширнейшей сетью военно-стратегических баз и экономических владений, какой никогда не знала еще ни одна нация.

Я проследил распространение этой империи в своей книге «Базы и империя», изданной в 1948 году, использовав для начерченной мною карты в качестве авторитетных свидетелей лишь высказывания наиболее консервативных деятелей Уолл-стрит. И наиболее слабые места аргументации «м-ра X» становятся особенно очевидными в свете тех изменений, которые я должен был внести в свою карту сегодня: Китай, например, не является более сферой американского влияния! И все главные события, которые произошли

в мире за последние несколько лет, развивались в том же направлении; они противостоят высочайшим утверждениям государственного департамента о том, что неограниченная сила Америки обеспечивает ей диктатуру над слабым миром. Факты доказывают обратное: народы, которые считались слабыми и отсталыми, поднимают оружие против колониальных угнетателей, и нет уже более в мире такого уголка, где империалисты могли бы по ночам спать спокойно.

Весь мир видит это, и двухпартийные деятели также вынуждены это заметить. С одной стороны, им хотелось бы (в паннике!) прибегнуть к крайним мерам, чтобы остановить распространение освободительных войн в юго-восточной Азии и вернуть контроль над Китаем. С другой — приходится учитывать растущую тревогу американского народа, волну требований прекратить опасную игру и позволить миру жить в мире. И поэтому публичные объяснения политики государственного департамента выглядят в последнее время так: «О, да, — говорят двухпартийные деятели народа, — мы тоже хотим мира. Мы тоже хотели бы перемирия с Россией, но невозможно толковать об этом сейчас — мы слишком слабы. Мы должны иметь возможность договариваться на равных началах».

Эта новая «линия», прямо противоположная старой «линии силы», но применяемая одновременно с нею, была изобретена государственным секретарем Ачесоном в начале февраля. Отчаянно защищая американскую политику в Китае, он сказал, что нечего и пытаться вести мирные переговоры с Россией, так как лишь «артурские силы» могут воздействовать на Советский Союз. Разъясняя и расширяя это заявление (под руководством государственного департамента), «Нью-Йорк таймс» уже в самые ближайшие дни дошла до утверждения, что именно слабость Америки была причиной всех послевоенных дипломатических неудач. Член редакционной коллегии этой газеты Анна О'Хара Маккормик писала 13 февраля:

«Стоит напомнить, что такая конференция «Большой четверки», с тех пор как ушли из нее, неизменно обрывается на одной и той же ноте. В каждом случае западные министры покидали свои места за столом, проникнутые убеждением, что соотношение сил еще недостаточно сложилось в пользу Запада, чтобы стали возможными переговоры с Советским Союзом. Всякий раз они заявляли дословно: «Мы должны находиться в более сильной позиции для того, чтобы можно было говорить о каком-либо урегулировании».

Это звучит весьма прямым признанием того, что западные державы и намеренно провозгласили «холодную войну», и намеренно уклонились от каких бы то ни было соглашений с послевоенного времени. И мисс Маккормик заявляет, что лучше продолжать саботировать мир, ибо «нельзя сказать, что соотношение изменилось в нашу пользу за последние месяцы».

Трудно понять подобную аргументацию: 1) политическая линия установлена; 2) она привела к серии провалов; 3) поэтому мы должны придерживаться этой линии и вперед... Как улетает государственному департаменту уговорить и самих себя и своих хозяев в осмысленности подобных аргументов? Как могут они рассчитывать убедить в этом американский народ?

Грубо говоря, их довод таков: некоммунистический мир все еще располагает мощью широкой опорой, нежели мир, вступающий на путь социализма, и «мы» можем заладить этой опорой и распоряжаться ею для ведения как «холодной», так и «предупредительной» войны. Поэтому «Нью-Йорк таймс» поместила 19 февраля большую карту с таблицами, указывая, что «СССР и коммунистическая сфера» имеют 721.303.000 населения, в то время как страны «западного блока» населяют 1.470.284.000 человек, а «другие» — это есть народы, которые в неблагоприятной будут сохранять нейтралитет, — обладают населением в 159.269.000 человек.

Это бойкий журнализм, но в политическом отношении это самоубийство. Каким сверхинтеллектом нужно обладать, чтобы представить, будто весь некоммунистический мир находится на стороне «западного блока»? Как далеко подобное представление от действительности!

Комментируя эту карту на следующий день, мисс Маккормик предупреждала: «Это не означает, что все миллионы людей, живущих вне советского блока, находятся на нашей стороне». В своих определениях мисс Маккормик проявляет чрезвычайную отсталость: а что, если «все миллионы» не только не находятся на «нашей» стороне, но сражаются с оружием в руках за избавление от иностранных, особенно от американских, империалистических правителей? А именно так, как известно всякому, действительное положение дел!

В том же номере «Нью-Йорк таймс», где помещена оптимистическая карта с таблицами, было напечатано очередное сообщение из Бангкока — в столице Сиаме американские дипломаты совещались в то время об «американских проблемах в Азии». Первый из этих проблем, по словам корреспондента, является национальная независимость. «Стремление азиатских народов к полному суверенитету достигло наивысшей точки. Почти с неистовством реагируют они теперь на все историко-западные колониальные империализма»...

Фанатики мировой империи полагают, что календарь можно листать в обратную

сторону. Они твердят: «Если только коммунисты и Россия не станут вмешиваться, пока мы поднимем освободительное движение в Индонезии, Малайе, Индо-Китае, Бирме и т. д., — мы станем сильнее, а «коммунизм» слабее... Итак, они намерены превратить в Грецию всю Юго-Восточную Азию».

Какой идеализм! Даже в маленькой Греции потребовались огромные силы двух объединенных империй — Британии и США, чтобы добиться временной победы реакцией после нескольких лет вооруженной борьбы. Неужели они и впредь полагают, что в такую же Грецию можно превратить всю Юго-Восточную Азию (721.000.000 людей, — говорит карта «Нью-Йорк таймс») и выйти с победой из этой грандиозной карательной экспедиции? Неужели господа империалисты и впредь мечтают, что они будут достаточно сильны, чтобы предписать «мир» миру на основе безоговорочной капитуляции перед американскими условиями?

Даже их собственные источники информации, даже собственная их пропаганда рисуют поборные надежды. Например, 24 февраля в телеграмме, помещенной в ларинском издании «Нью-Йорк геральд трибун» (субсидируемом по плану Маршалла), первый же опыт применения подобной политики в одной из стран Юго-Восточной Азии расценяется, как позорный провал.

Признание Бао Дая, — пишет автор, — произошло в то самое время, когда сподвижники Трумэна пытались изобразить всю американскую политику в Восточной Азии в свете высокой моральности. Но «в разгаре этого процесса самоощущения США поддержали своим признанием правительство, которое не только не пользуется доверием народа, но даже неспособно удержаться без вооруженной помощи французской армии. В признании правительства Бао Дая невозможно увидеть шаг, который мог бы привлечь к нам те народы Азии, чьи симпатии мы так хотели бы пользоваться».

Это противоречие неизбежно. В корреспонденции, показывающей всю безаппетность подобной политики, нет даже предположения, что она может перемениться. Признание марионеточного правителя характеризуется, как «неизбежный» акт. И этикие хилые соломенные чула, удерживающиеся лишь на иностранных штыках, все время рассматриваются, как «союзники», с помощью которых молодички мировой империи рассчитывают завоевать Юго-Восточную Азию и прочие части света, подготавливая день «сведения счетов» с Советским Союзом!

Совершенно очевидно, что за колоссальным провалом этих политиков в Китае последуют другие, еще более грандиозные провалы. Ибо все их планы строятся без учета действительного положения вещей, без знания подлинных фактов. Один из таких фактов реальной действительности, — и притом факт, который они упорно предпочитают игнорировать, — заключается в том, что эти политики, люди Уолл-стрит и им подвластные не в Америке. Однако это так. При множестве экономических проблем, не разрешенных ими в собственном доме, политика Уолл-стрит никак не может рассчитывать на поддержку американского народа.

Люди в доме № 43-30 по 46-й улице сгибаются под бременем налогов и дороговизны, они почти целиком поглотены борьбой за сохранение так называемого «американского жизненного уровня», т. е. постоянно бьются, силась оплатить свою скудную пищу, квартиру и счета докторам. Они не озабочены поддержкой туманных военных авантюрам, в которых не видят никакой надобности даже в том случае, если они и не пытаются выискать в суть «антикоммунистической» истории.

Это — о пассивном сопротивлении. Мой подсчет резервов сопротивления в США был намеренно скромным. Но нельзя отрицать, что есть в Америке и активные борцы за дело мира и прогресса.

Некоторые время назад, когда в отеле «Вальдорф-Астория» в Нью-Йорке происходили заседания конгресса борцы за мир, весь пропагандистский аппарат государственного департамента и все силы полицейского террора были мобилизованы для борьбы с влиянием этого конгресса. Тысяча артиллерия газетных заголовков выискала по несколько залпов ежедневно. Полиция и херцогская печать объединили свои усилия, мобилизуя фашистов и фашиствующих церковников (организацию католических ветеранов войны), чтобы влить в колбы знание отчая и применить любые методы насилия, только бы заседания конгресса не состоялись.

Все их попытки провалились с треском: не удалось ни загнать друзей мира, ни организовать большую демонстрацию в защиту двухпартийной политики Уолл-стрит. Конгресс заседал в переполненном зале. Столько людей стремилось побывать на конгрессе, что организаторы вынуждены были даже делегатам разрешить присутствовать лишь на одном заседании в день.

Эти события привели к тому, что симпатии рядового американца, не слышном развитого в политическом отношении (такого, как жили дом № 43-30 по 46-й улице), полились на уровне газетных передовиц и крикливых заголовков и обратились к борцам за мир. Нельзя сказать, что мои соседи всем своим существом устремились в борьбу, но никакие усилия антикоммунистической и антисоветской пропаганды уже не смогут убедить их в том, что мир — это нечто плохое.

И нет никаких оснований сомневаться в том, что очень скоро жизнь заставит их перейти к активному участию в борьбе за мир. Придет день, когда они выйдут поджигателей войны со всех правительственных постов в Вашингтон.

Джордж МАРИОН

ПОДПИСИ МИЛЛИОНОВ

31 мая и 1 июня в Лондоне происходила пленарная сессия бюро Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Помимо членов бюро и секретарей Постоянного комитета, в сессии приняли участие также представители Советского комитета защиты мира, комитетов защиты мира Англии, США, Финляндии, Дании и Швеции.

В принятой резолюции бюро «...с удовлетворением отмечает мучное развитие кампании за запрещение атомной бомбы, в ходе которой собрано более 100 миллионов подписей под стокопльским воззванием».

Бюро призвало всех сторонников мира активизировать и объединить свои усилия и вступить в дружеское соревнование с целью еще большего развертывания кампании по сбору подписей, создания международного фронта защиты мира.

В Женеве (Италия) во второй половине октября 1950 года состоится 2-й Всемирный конгресс сторонников мира.

АНГИЯ СТО ТЫСЯЧ ПОДПИСЕЙ

В национальный комитет защиты мира непрерывным потоком продолжают поступать тысячи писем, в которых люди различных профессий, политических взглядов и религиозных убеждений решительно требуют запрещения атомной бомбы.

Призыв стокопльсской сессии Постоянного комитета единодушно поддержали коллективы рабочих сталеплавильного завода «Ферт Браун» в Шеффилде, завода радиоаппаратуры фирмы «Алесса» в Илфорде и многих других предприятий страны. На днях из Глазго в адрес комитета защиты мира был направлен пакет с первыми 4.320 подписями. К началу июня число подписей в защиту мира, собранных в Лондоне, достигло 100 тысяч.

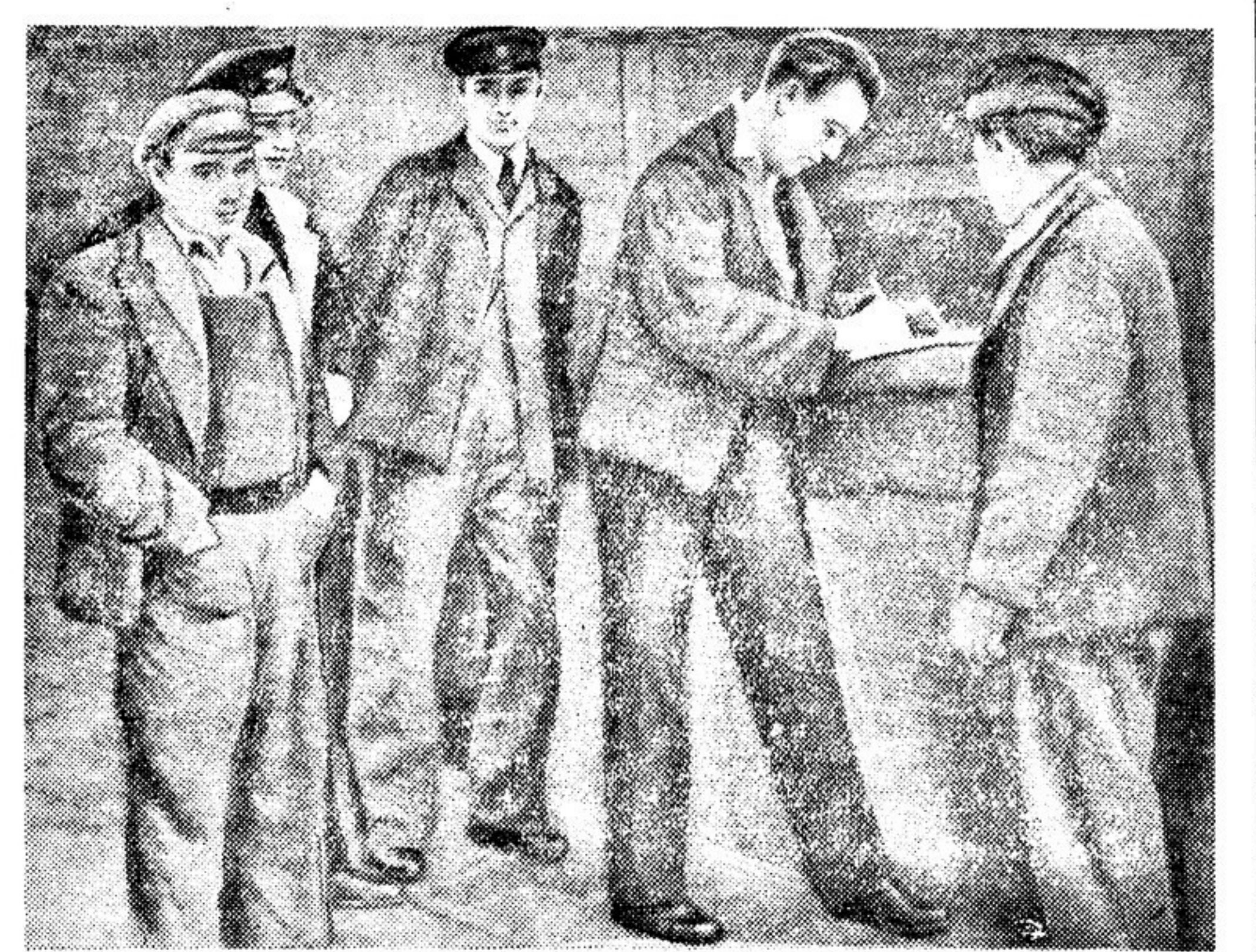
Буржуазная печать, долгое время проводившая ожесточенную кампанию против сбора подписей, теперь проявляет явные признаки беспокойства по поводу успеха воззвания Постоянного комитета. Рупор промышленных и финансовых кругов — ежедневный «Экономист» призывает американских империалистов и западные державы более тщательно маскировать свои военные планы. «Необходимо окончательно выработать выражение «холодная война» из нашего политического словаря...» — пишет журнал и рекомендует шире рекламировать «мирные цели» атлантического блока.

Однако голубиное воркование поджигателей войны не обманет великую армию сторонников мира, борющихся против американских атомщиков.

ФИНЛЯНДИЯ НЕ МЕНЕЕ МИЛЛИОНА!

— Не менее миллиона подписей под воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира!

Этот лозунг Демократического союза народа Финляндии встречает горячую поддержку населения страны. До настоящего времени по решению стокопльсской сессии поставили свои подписи уже 80 тысяч человек. К требованию о запрещении атомной бомбы присоединились известные ученые Аарне Турунен, Карл Брун и Лаури Пальохеймо, писатели Хагер Ульсон, Эльмер Дикониус и другие.

Сбор подписей под воззванием стокопльсской сессии происходит в Англии повсюду и в самых различных условиях — на предприятиях, в жилых домах и просто на улице. Молодые английские рабочие, запечатленные на этом снимке, — против войны. Они подписывают призыв Постоянного комитета о запрещении атомного оружия.

ШВЕЙЦАРИЯ ГОЛОС НАРОДА

В Цюрихе активисты — сторонники мира, обходя дом за домом, квартиру за квартирой, зрелищные предприятия, рынки и т. д., собрали свыше 7 тысяч подписей. Под воззванием подписались Шарль Сольберг — мэр города Бекс и Гуго Крамер — редактор еженедельника христианско-социальной партии «Цейтунг»; Ганс Эрн — художник, удостоенный награды за плакат «Мичуринец Лысенко», который был представлен им на конкурсе, проводившийся Швейцарским комитетом сторонников мира, и Морис Кюэ — писатель; Жан-Пьер Вуга — архитектор и Пьер Селон — организатор собора святого Петра в Женеве и многие другие.

РУМЫНИЯ СТОРОННИКИ МИРА КЛЕЯТ КЛИКУ ТИТО

Горько откликнулся на воззвание Постоянного комитета трудящиеся всех национальностей, населяющих демократическую Румынию. В Оршове рабочий-серб Симеон Иванович, подписывая воззвание, сказал: «Наши братья за Дунаем, которые сражались за освобождение страны от фашистского террора, сегодня подвергаются самым жестоким пыткам, так как они борются за свободу. Мы клеим типоскую вилку, которая продала Югославию англо-американским поджигателям войны!»

Сербы — рабочие верфей в Турну Северин — в письме, адресованном Постоянному комитету Всемирного конгресса сторонников мира, заявляют: «Мы поддер-

живаем югославский народ в его борьбе за возвращение Югославии в антиимпериалистический лагерь. Увеличивая производство в Румынской народной республике, мы тем самым боремся против империалистических поджигателей войны и их подручного — палача Тито».

В уезде Тимш, населенном румынами, сербами, венграми и немцами, под воззванием Постоянного комитета подписались почти 390 тысяч человек.

ФРАНЦИЯ АТОМНУЮ БОМБУ — ВНЕ ЗАКОНА!

К воззванию Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира присоединяются все более широкие массы французского народа. Среди подписавших призыв — известный поэт и писатель Жак Превьер, киноартист Жан Мара, композитор Казадезюс и Филипп Жорар, 150 журналистов, видные судебные работники, адвокаты и многие другие.

В департаменте Сены и Уазы к 20 мая поставили свои подписи под воззванием все железнодорожники города Франьи; 410 из 420 рабочих обнуной фабрики Андра (город Арляжон); все преподаватели в училищах светских и религиозных школ города Ле-Везин. В департаменте Гар под призывом подписало 98 процентов населения. В городе Эккур-Сен-Вантон (департамент Па-де-Кале) — 1.107 из 1.403 жителей. Десятилетний мальчик из города Мартин (департамент Буш-дю-Рон) собрал под воззванием 615 подписей. Перед отъездом в военные лагеря 9 тысяч призывников Парижского района присоединились к требованию объявить атомную бомбу вне закона.